

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)4
УДК 94(47).04

Шейхумеров А.А. Заметки о военном деле крымских татар

Аннотация: В статье рассматривается ряд малоизвестных тем, связанных с военным делом крымских татар XV-XVIII вв. А именно: влияние ограниченности людских ресурсов Крымского ханства на стратегию и тактику крымского войска; роль «малой войны» в военном искусстве крымских военачальников; способы комплектования пехоты крымских ханов; роль слуг в крымском войске; кош (группа из нескольких всадников), как численно наименьшая единица ханского войска; обращение крымских татар с павшими, больными и ранеными соратниками; военное право; феномен «татарского маскарада» и управление войсками в армии Крымского ханства.

Ключевые слова: XV в., XVI в., XVII в., XVIII в., Крымское ханство, военное дело.

Автор: Шейхумеров Амет-хан Азизович. В 2017 году закончил аспирантуру КФУ им. Вернадского по специальности «Всеобщая история». Область научных интересов: войско Крымского ханства. amet.sheykhumerov@mail.ru

Литература, использованная в статье:

- Баранович А.И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки. — М., 1950.
- Kuklo C. Demografia Rzeczypospolitej przedrozbiorowej. — Warszawa, 2009.
- Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672-1676. — Zabrze, 2009. — Vol. II.
- Wagner M. W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684-1696). — Siedlce, 2002.
- Grabowski A. Ojczyście wspominki w pismach do dziejów dawniej Polski. — Kraków, 1845. — Vol. II.
- Дневник Станислава Освецима // Киевская старина. — 1882. — № 11.
- Wagner M. Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny. — Warszawa, 2000.
- Мацьков О. Роль і місце кримського чинника у Чуднівській кампанії 1660 року: постановка проблеми // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. — 2017. — Вип. 6.
- Górka O. Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1935. — Vol. 8.
- Majewski W. Najazd Tatarów w lutym 1695 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. — 1963. — Vol. 9.
- Мицик Ю. З джерел до історії Османської імперії та Кримського ханства XVI — першої половини XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. — Київ, 2010. — Вип. 9-10.
- Бабулин И.Б. Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года // Рейтар. — 2006. — № 28.

- Dupont F. Pamiętniki do historii życia i czynów Jana III Sobieskiego. Wstęp i opracowanie naukowe: dr. Dariusz Milewski tłumaczenie: dr Beata Spieralska. — Warszawa, 2011.
- Nagielski M. Warszawa 1656. — Warszawa, 1990.
- Nagielski M. Mit a rzeczywistość przebiegu kampanii zborowskiej 1649 r. // Od Zborowa do NATO (1649-2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku, red. M. Franz, K. Pietkiewicz. — Toruń, 2009.
- Ciesielski T. Od Batochu do Żwańca. Wojna na Ukrainie i w księstwach naddunajskich 1652-1653. — Zabrze, 2007.
- Holsten Hieronim Chrystian. Przygody wojenne 1655-1666. — Warszawa, 1980.
- Збірник козацьких літописів. Густинський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. — К., 2006.
- Majewski R. Cecora – rok 1620. — Warszawa, 1970.
- Domagała M. Biała Cerkiew 23-25 IX 1651. — Zabrze, 2007.
- Diarzusz kampanii w wołoskie jziemi 1686 r. Królewicza Jakóba Sobieskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1931. — Vol. 4.
- Skorobogaty A. Diariusz. — Warszawa, 2000. — S. 140.
- Документы по истории Волго-Уральского региона XVI-XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. — Казань, 2008.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008.
- Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. — 1979-80. — Vol. 3-4.
- Абдужемилев Р. Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов // Крымское историческое обозрение. — 2016. — № 1.
- Pulaski K. Trzy poselstwa Lawryna Piaseczynskiego do Kazi Gireja, hana Tatarow perekopskich (1601-1603) // Przewodnik Naukowy i Literacki. — 1911.
- Курникова О.М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Оксана Михайловна Курникова. М., 2009.
- Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1895. — Т. 22.
- Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р. 1704 про відрядження до Криму // Студії з Криму. I-IX. — К., 1930.
- Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. — Симферополь, 2017.
- Сейит-Яхья Н. Военные действия в Крыму в 1735-1736 годах // Qasevet. — 2010. — № 37.
- Teodorczyk J. Pogrom Kantymira, 1624. — Warszawa, 1972.
- Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. — К., 2007.
- Вашук Д. До питання про напад турецько-татарських військ біля м. Дубно на рубежі XV-XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. — 2016. — Вип. 16.
- Broniewski M. Tartariae Descriptio. OpisTatarii, przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Maćczyńska. — Łódź, 2011.
- Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов.). — М., 1991.

- Jasnowski J. Dwie relacje z wyprawy Zamoyskiego pod Cecorę w r. 1595 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. — 1938. — Vol. 10.
- Gawron P. Bitwa pod Ochmatowem 30 stycznia 1644 r. // *Od Grunwaldu do Bzury – bitwy i boje polskie na przestrzeni dziejów*, red. J. Jędrzyński, D. Koreś, J. Maroń, K. Widziński. — Wrocław, 2012.
- Jerlicz J. *Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza*. — Warszawa, 1858. — T. 2.
- Fredro A.M. Dyskurs do uważenia podany Anno Domini 1667, iż tylko po śmierci króla ma być obierany regnator i insze potrzeby materyje z tej okazyj przytoczone // *Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648-1668*. — Wrocław; Warszawa, 1991. — Vol. III.
- Sękowski J.J. *Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących*. — Warszawa, 1825. — Vol. II.
- Wolinski J. Bitwa pod Lwowem 1675 r. // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. — 1931. — Vol. 5.
- Вирський Д.С. Битва під Білою Церквою 1626 р. та «Реляція правдива...» Яна Доброцького // *Український історичний журнал*. — 2010. — № 6.
- Gawęda M. *Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny* // *Rocznik Przemyski* — 2009. — Vol. 45. — Zeszyt 1: *Historia wojskowości*.
- Юрченко П. Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // *Записки Одесского общества истории и древностей*. — Одесса, 1879. — Т. 11.
- Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. — М., 1964. — Т. 1.
- Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // *Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани 1223-1556*. — Казань, 2001.
- Wojtasik J. *Podhajce 1698*. — Warszawa, 1990.
- Korzon T. *Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Tom 2*. Krakow. — 1912.
- Іналджик Г. Знахідка кадійських сіджилів (судових книг) Кримського ханату // *Mapra Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя*. — Львів-Київ-Нью-Йорк, 1995.
- Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // *Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани 1223-1556*. — Казань, 2001.
- Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587-1588 годах // *Известия Таврической учетной архивной комиссии*. — Симферополь, 1891. — Т. 14.
- Kochowski W. *Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego*. — Poznań, 1859. — Т. 1.
- Komuda J. *Wyprawa łojowska Janusza Radziwiłła w 1649 r.* // *Staropolska sztuka wojenna XVI-XVII wieku*. — Warszawa, 2002.
- Baranowski B. *Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655-1660* // *Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655-1660*. — Warszawa, 1957. — Т. I.
- Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 332-339 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016).
- Абдуджемиль Р. *Воинская символика Крымского ханства (на материале крымских хроник)* // *Qasevet*. — 2015. — № 43.

Мицик Ю. Чуднівська та Слободищенська битви 1660 р. на сторінках «Віршованої хроніки» // Архіви України. — 2005. — № 4.

Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich w latach 1605-1647 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. — 1962. — Т. 8.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2018/06/12/sheixumerov>

Ссылка для печатных изданий:

Шейхумеров А.А. Заметки о военном деле крымских татар [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 295-354. <<http://www.milhist.info/2018/06/12/sheixumerov>> (12.06.2018).

Sheykhumerov A. The Art of War of the Crimean Tartars

Summary: the article discusses, among other issues, some little-known aspects of the Crimean Tartars' art of war, such as: lack of populous of the Crimea and its reflection on the strategy and tactics of the Khanate; importance of the guerrilla warfare for Crimean chieftains; recruitment of the Tartar infantry; the role of servants in war; the role of a small horse unit, a.k.a. *kosh*, as nucleus of the Tartar army; treatment of dead, sick and wounded co-countrymen; military laws and troops' administration and phenomenon of the "Tartar masquerade".

Keywords: fifteenth century, sixteenth century, seventeenth century, eighteenth century, Crimean Tartars, warfare.

Author: Amet Sheykhumerov, Ph.D., graduated from the Vernadsky Crimean Federal University; he specializes in the art of war of the Crimean Khanate.

References:

Baranovich A.I. Naselenie predstepnoj Ukrainy v XVI v. [The population of the pre-steppe of Ukraine in the XVI century] // *Istoricheskie zapiski*. — M., 1950.

Kuklo C. Demografia Rzeczypospolitej przedrozbiorowej. — Warszawa, 2009.

Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672-1676. — Zabrze, 2009. — Vol. II.

Wagner M. W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684-1696). — Siedlce, 2002.

Grabowski A. Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawniej Polski. — Kraków, 1845. — Vol. II.

Wagner M. Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny. — Warszawa, 2000.

Mac'kov O. Rol' i misce krims'kogo chinnika u Chudnivs'kij kampanii 1660 roku: postanovka problemi // *Problemi istorii kraïn Central'noi ta Shidnoi Evropi*. — 2017. — Vip. 6.

Górka O. Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. — 1935. — Vol. 8.

Majewski W. Najazd Tatarów w lutym 1695 r. // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. — 1963. — Vol. 9.

Micik Ju. Z dzherel do istorii Osmans'koï imperii ta Krims'kogo hanstva XVI — pershoï polovini XVIII st. // *Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi*. — Kiïv, 2010. — Vip. 9-10.

Babulin I.B. Sostav russkoj armii v Chudnovskoj kampanii 1660 goda [The Russian army in the Chudnov campaign in 1660] // *Rejtar*. — 2006. — № 28.

Dupont F. Pamiętniki do historii życia i czynów Jana III Sobieskiego. Wstęp i opracowanie naukowe: dr. Dariusz Milewski tłumaczenie: dr Beata Spieralska. — Warszawa, 2011.

Nagielski M. Warszawa 1656. — Warszawa, 1990.

Nagielski M. Mit a rzeczywistość przebiegu kampanii zborowskiej 1649 r. // *Od Zborowa do NATO (1649-2009)*. Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku, red. M. Franz, K. Pietkiewicz. — Toruń, 2009.

Ciesielski T. Od Batohu do Żwańca. Wojna na Ukrainie i w księstwach naddunajskich 1652-1653. — Zabrze, 2007.

Holsten Hieronim Chrystian. Przygody wojenne 1655-1666. — Warszawa, 1980.

- Zbirnik kozac'kih litopisiv. Gustin'skij litopis. Litopis Samijla Velichka. Litopis Grabjanki. — K., 2006.
- Majewski R. Cecora – rok 1620. — Warszawa, 1970.
- Domagała M. Biała Cerkiew 23-25 IX 1651. — Zabrze, 2007.
- Diarjusz kampanii w wołoskie jziemi 1686 r. Królewicza Jakóba Sobieskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1931. — Vol. 4.
- Skorobogaty A. Diariusz. — Warszawa, 2000. — S. 140.
- Dokumenty po istorii Volgo-Ural'skogo regiona XVI-HIH vekov iz drevlehranilishh Turcii: Sbornik dokumentov / Sost. I.A. Mustakimov; pod obshh. red. D.I. Ibragimova. — Kazan', 2008.
- Jevlija Chelebi. Kniga puteshestvija. Krym i sopredel'nye oblasti. — Simferopol', 2008.
- Inalcik N. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. — 1979-80. — Vol. 3-4.
- Abduzhemilev R. Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Krymskoe hanstvo v zapisjah Osmanskikh dokumentov // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. — 2016. — № 1.
- Pulaski K. Trzy poselstwa Lawryna Piaseczynskiego do Kazi Gireja, hana Tatarow perekopskich (1601-1603) // Przewodnik Naukowy i Literacki. — 1911.
- Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladienija // Izvestija Tavricheskoi uchenoi arhivnoj komissii [Collection of documents on the history of the Crimean Tatar land ownership]. — Simferopol', 1895. — T. 22.
- Okinshevich L. Diariush Ivana Bihovcja r. 1704 pro vidrjadzhennja do Krimu // Studii z Krimu. I-IX. — K., 1930.
- Rustemov O. Kadiaskerskie knigi Krymskogo hanstva: issledovanija, teksty i perevody [Kadiasker books of the Crimean khanate: research, texts and translations]. — Simferopol', 2017.
- Sejti-Jah'ja N. Voennye dejstvija v Krymu v 1735-1736 godah // Qasevet. — 2010. — № 37.
- Teodorczyk J. Pogrom Kantymira, 1624. — Warszawa, 1972.
- Gvan'ini O. Hronika evropejs'koï Sarmatii. — K., 2007.
- Vashhuk D. Do pitannja pro napad turec'ko-tatars'kih vijs'k bilja m. Dubno na rubezhi XV-XVI st. // Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi. — 2016. — Vip. 16.
- Broniewski M. Tartariae Descriptio. OpisTatarii, przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Mączyńska. — Łódź, 2011.
- Fletcher Dzh. O gosudarstve Russkom // Proezzhaia po Moskovii (Rossija XVI—XVII vekov glazami diplomatov.). — M., 1991.
- Jasnowski J. Dwie relacje z wyprawy Zamoyskiego pod Cecorę w r. 1595 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1938. — Vol. 10.
- Gawron P. Bitwa pod Ochmatowem 30 stycznia 1644 r. // Od Grunwaldu do Bzury – bitwy i boje polskie na przestrzeni dziejów, red. J. Jędrusiak, D. Koreś, J. Maroń, K. Widziński. — Wrocław, 2012.
- Jerlicz J. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. — Warszawa, 1858. — T. 2.
- Fredro A.M. Dyskurs do uważenia podany Anno Domini 1667, iż tylko po śmierci króla ma być obierany regnator i insze potrzebe materyje z tej okazyjej przytoczone // Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648-1668. — Wrocław; Warszawa, 1991. — Vol. III.
- Sękowski J.J. Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących. — Warszawa, 1825. — Vol. II.
- Wolinski J. Bitwa pod Lwowem 1675 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1931. — Vol. 5.

Virskij D.S. Bitva pid Biluju Cerkvuju 1626 r. ta «Reljacija pravdiva...» Jana Dobroces'kogo // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. — 2010. — № 6.

Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // Rocznik Przemyski — 2009. — Vol. 45. — Zeszyt 1: Historia wojskowości.

Jurchenko P. Opisanie Perekopskih i nogajskih tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Ljuka, monaha dominikanskogo ordena (1625) // Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. — Odessa, 1879. — T. 11.

Guboglu M. Tureckij istochnik 1740 g. o Valahii, Moldavii i Ukraine // Vostochnye istochniki po istorii narodov Jugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy. — M., 1964. — T. 1.

Wojtasik J. Podhajce 1698. — Warszawa, 1990.

Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Tom 2. Krakow. — 1912.

Inaldzhik G. Znahidka kadijskih sidzhiliv (sudovih knig) Krims'kogo hanatu // Mappa Mundi. Zbirnik naukovih prac' na poshanu Jaroslava Dashkevicha z nagodi jogo 70-richchja. — L'viv-Kiïv-N'ju-Jork, 1995.

Statejnyj spisok moskovskogo poslannika v Krymu Ivana Sudakova v 1587-1588 godah // Izvestija Tavricheskoy uchetnoj arhivnoj komissii. — Simferopol', 1891. — T. 14.

Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego. — Poznań, 1859. — T. 1.

Komuda J. Wyprawa łojowska Janusza Radziwiłła w 1649 r. // Staropolska sztuka wojenna XVI-XVII wieku. — Warszawa, 2002.

Baranowski V. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655-1660 // Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655-1660. — Warszawa, 1957. — T. I.

Bobrov L. The Art of War of the Crimean Tartars and Nogais from the end of the XV to the mid-XVII century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 209-388 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016).

Abdudzhemil' R. Voinskaja simvolika Krymskogo hanstva (na materiale krymskih hronik) // Qasevet. — 2015. — № 43.

Micik Ju. Chudnivs'ka ta Slobodishhens'ka bitvi 1660 r. na storinkah «Virshovanoï hroniki» // Arhivi Ukraïni. — 2005. — № 4.

Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich w latach 1605-1647 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. — 1962. — T. 8.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2018/06/12/sheixymerov>

Reference link:

Sheykhumerov A. The Art of War of the Crimean Tartars [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2018. — Vol. X. — P. 295-354. <<http://www.milhist.info/2018/06/12/sheixymerov>> (12.06.2018).

ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Демография и война

Одним из важнейших факторов, влияющих на военную мощь государства, являются его людские ресурсы. Многочисленное население давало возможность вести затяжные войны, сопряженные с большими потерями. Такие гиганты, как Речь Посполитая, Московское государство или Османская империя могли позволить себе терять в продолжительных конфликтах десятки тысяч воинов ради достижения поставленных целей. Один из центров силы в Восточной Европе XV–XVII веков — Крым — резко отличался от своих северных соседей незначительностью населения. Хотя реальная численность населения ханства неизвестна, можно полагать, что она измерялась лишь сотнями тысяч человек.

Диспропорция между Крымом и его основными противниками — Речью Посполитой и Россией, имевшими миллионы жителей, была чудовищной. Население России в середине XVI века, по подсчетам Б.Ц. Урланиса, составляло 8,8 млн. человек, в первой половине XVII века — 11,3 млн. жителей¹. Даже во владениях отдельных польских магнатов проживало число подданных, сравнимое с населением Крыма. К примеру, во владениях князя Иеремии Вишневецкого в Украине к 1647 году проживало 288 тыс. человек², во владениях Станислава Конецпольского — 120 тыс.³ Население украинских земель, находившихся под властью Речи Посполитой, по оценке А.И. Барановича, к 1629 году составляло 4,4 миллиона человек⁴. Все население Речи Посполитой в 1580 г. составляло 7,5 млн. человек, а в середине XVII в. — 11 млн. человек⁵. Из-за малочисленности подданных крымские ханы были вынуждены призывать куда бóльшую часть населения, чем правители соседних государств. По данным М. Вагнера, в польско-турецкую войну 1672–1676 годов

Речь Посполитая мобилизовала 0,4% населения, Турция — 0,1%⁶. Крымское же ханство в конце XVII века, по мнению М. Вагнера, выставяло «полевую армию» в 20-30 тыс. воинов при населении в 300-400 тысяч человек, то есть 5-7,5% всего населения⁷.

Скромная численность населения предопределила довольно бережливое отношение крымского командования к собственным силам. На протяжении всей истории ханства крымскотатарские полководцы по возможности избегали значительных потерь. Этому способствовало то, что крымцы были легко снаряжены и обладали высокой скоростью передвижения, что позволяло им уклониться от боя при невыгодных для себя обстоятельствах. Так, гетман Ханенко в письме Яну Собескому от 13 сентября 1671 года о взятии Брацлава писал, что татар едва сотня убита, что неудивительно ввиду их быстроты⁸. Недаром Юрий Крижанич отмечал, что «если татары убегают, никто их не догонит, если преследуют, никто от них не уйдет... По причине быстроты своей они имеют в своей власти и место и время битвы: коли окажется удобное место, побьются; коли нет такого места, отступят дальше»⁹. Тактика крымских татар опиралась не столько на тотальное сокрушение противника, сколько на достижение максимальных успехов при минимальном расходе собственных сил. Для них было само собой разумеющимся делом атаковать противника, однако они могли и отступить при усилении сопротивления с его стороны.

Конечно, когда того требовала обстановка, когда на кону стоял исход войны, если уклониться от битвы не было возможности, военачальники шли на риск, сопряженный с большим уроном для армии (об этом в частности говорят двукратные штурмы русского гуляй-города в битве под Молодями в 1572 году, два штурма польских таборов под Оринином в 1618 году и т.д.). В 1627 году под Валуйками группа русских торговых людей и донских казаков отбивалась «в кустах» от членов крымского посольства. Хотя татары обычно избегали больших потерь, под Валуйками ввиду того, что инцидент приобретал политический характер, они были готовы биться до конца, невзирая на то, что многие из них могли погибнуть¹⁰. Этот случай показывает, что при желании

крымцы вполне могли идти на потери, однако избегали ненужного риска. Но в большинстве кампаний, особенно во время набегов (когда целью был захват ясыря, а не сражение), крымские командиры берегли своих воинов.

Известный польский мемуарист XVII века Ян Хризостом Пасек писал: «Я тоже воевал с татарами, но нигде столько трупов татарских, как немецких, московских и других народов, в боях не видел. Триста, четыреста татар, лежащих на поле боя, это уже большая победа, а другие лежат, как деревья в куче»¹¹. Станислав Освенцим, сражавшийся против крымских татар и казаков под Берестечком, сообщал о крымских потерях следующее: «Утверждают, что в течение трех дней убито было 1000 татар, не считая в том числе раненых и пленных. Дело неслыханное, чтобы татары понесли столь многочисленную потерю в открытом сражении»¹². И.Т. Посошков по поводу разгрома татарами полка Сварта под Азовом (1695) писал: «А аще бы все умели цельно стрелять, то и на худой конец ста два-три убили бы, то и татарове не смели бы толь смело на целой полк навалитися, а естли бы сот пять-шесть у них убили, то бы они к чорту забежали, что и сыскать к бы их негде было. Татарове смелы как большого урону нет, а егда человек сотницу другую потеряют, то и они щоку свою отворачивают, любят они даром взять»¹³. В сражении с польской армией под Панивцами (21 сентября 1688 года), по данным М. Вагнера, погибло всего 70 татар и 500 было ранено¹⁴. Победа в этом бою привела к подъему боевого духа среди польских войск, на протяжении нескольких лет не одерживавших побед сходного масштаба. Объясняя, почему он отступил от Молодей, хан Девлет Гирей писал Ивану Грозному: «И будет тебе та твоя рать не надобе, и нам наша рать всегда пособщик»¹⁵. То есть крымский хан не будет понапрасну тратить жизни своих воинов, на что (по его мнению) легко может пойти русский царь.

Комментируя пассивные действия крымских татар при преследовании отступающего к Чуднову Шереметева, современный украинский исследователь А. Мацьков писал: «...нурадин-султан желал минимизировать потери собственного войска, ибо осознание того, что приближаются правобережные

полки Ю. Хмельницкого сигнализировало о затяжном и непредсказуемом характере кампании. Поэтому целиком логично хотел сохранить максимальную боеспособность армии». Впоследствии, уже под самим Чудновым, «нуредин-султан и мурзы категорически не желали атаковать табор В. Шереметева, подвергаясь опасности. Целесообразнее, по их мнению, было дожидаться, когда противник сам капитулирует»¹⁶.

Немотивированные потери вызывали сильное неудовольствие среди крымских татар. Когда в 1618 году калга Девлет Гирей самонадеянно атаковал польские таборы под Оринином, по возвращении в Крым его подвергли критике: «...колгу осудили, что он на премой бой к таборомь ходил и людей многих потеряль»¹⁷.

К тому же и армии ханства в большинстве походов не были столь многочисленны, чтобы подвергать их высоким потерям. Стоит согласиться с мнением польского историка О. Гурки, писавшего: «...если историография нашего военного дела оперировала вымышленными десятками или даже сотнями тысяч, то непонятно, почему, имея столь огромный численный перевес, [татары] избегали потерь 2/3 или несколько тысяч человек для полного уничтожения противника. В реальности это было бы для них иной раз потерей 1/3 или 1/2 личного состава»¹⁸.

Даже в крупных столкновениях потери могли исчисляться лишь сотнями убитых. Хотя в подавляющем большинстве случаев величина их неизвестна, в некоторых битвах определить их приблизительно вполне реально. В этом помогают погребальные обычаи крымскотатарских воинов. Как правило, крымцы сжигали своих убитых соратников, реже — хоронили в земле. В отдельных случаях даже известно, сколько именно было сожжено погибших (или в каком количестве домов). В 1695 году после битвы под Львовом татары забирали по своему обычаю тела убитых с собой. 43 погибших они сожгли в церкви Богоявления, еще около 100 — во время второй ночевки при отступлении от Львова. Сжигали также и в других строениях. Учитывая, что какое-то количество погибших татар осталось на поле боя, польский историк В.

Маевский считал, что потери татар в этой битве были приблизительно равны польским, то есть около 400 убитых¹⁹.

Также не следует забывать, что, помимо потерь, понесенных в сражениях, часть крымских воинов выбывали из строя по причине болезни, холода и тягот военной жизни. После Цецорской кампании зимой 1620–1621 гг. «у татар из-за сильных морозов померло много людей, а коней — неисчислимая масса»²⁰. В 1755 г. во время зимовки крымских воинов в Черкессии «от сей зимы великой много у них коней пропало, да и сами татары, у некоторых ноги поотмерзали, а у некоторых руки, а говорят, что и насмерть замерзали»²¹. Свое нежелание участвовать в январском набеге на Новосербию (1769) некоторые мурзы мотивировали наступлением зимы и вытекавшими из этого трудностями. Прошедший затем поход привел к большим небоевым потерям. Екатерина II в письме Вольтеру писала, что крымский набег происходил «во время чрезвычайного холода с ветром и снегом, что много причинило потерь татарам как в людях, так и в лошадях»²². В некоторых кампаниях небоевые потери могли в несколько раз превышать боевые.

У крымских ханов просто не было другого выхода: скажем, такие потери, как почти 5 тыс. убитых и пленных под Конотопом в 1659 году и 15 тыс. убитых и попавших в плен под Чудновым в 1660 году (где была разгромлена армия воеводы Шереметева)²³, понесенные русской армией, для Крыма с его населением были немислимы, он перестал бы играть сколько-нибудь заметную роль военной державы.

Сильная нагрузка на демографию ханства из-за больших потерь сделала бы ведение войн слишком «накладным», и потому стратегия и тактика крымских татар была направлена на минимизацию потерь. Неудивительно поэтому, что крымские военачальники избегали затяжных боев, решаясь на них лишь при необходимости. В то же время предпочтение нередко отдавалось «малой войне», как более «экономичному» способу ведения боевых действий. Крымская армия была «стеклянной пушкой», мощной, но хрупкой, и полководцы должны были учитывать, что чрезмерные потери подорвали бы

военный потенциал государства. Активное участие Крымского ханства в восточноевропейских войнах (нередко – решающее) показывает, что им удалось найти оптимальный способ использования своих войск.

«Малая война»

Обратим внимание на два важных обстоятельства военного дела крымских татар. Первое: крымское войско обладало солидной репутацией вплоть до рубежа XVII–XVIII веков и являлось реальной силой, способной переломить исход кампании. Второе: в тактическом плане оно уступало более сбалансированным армиям Османской империи, Московского государства или Речи Посполитой. Более уязвимое к вражескому огню, почти не имеющее пехоты и артиллерии, войско Гиреев было менее приспособлено к затяжному фронтальному бою, чем польско-литовские или русские войска. Крымцам часто приходилось иметь дело с вагенбургом, бывшим практически идеальным укреплением в борьбе с конницей, и сражаться с армиями, состоящими из кавалерии, пехоты и артиллерии. Тем не менее, крымским татарам нередко удавалось срывать неприятельское наступление.

Мы полагаем, что во многом успехи крымских военачальников объяснялось умением вести малую войну, «войну подъездову», представлявшую собой действия небольших отдельных отрядов, круживших вокруг противника, нарушавших его коммуникации и препятствовавших подвозу продовольствия. Подобные действия крымских татар получили широкое отображение в источниках. Французский военный инженер на службе у Яна Собеского Филипп Дюпон упоминал, что с началом кампании татары сразу же перерезают коммуникации неприятеля²⁴. Юрий Крижанич писал, что «с немцами татары воюют следующим образом. Они знают, что немцы сильны, что, благодаря оборонительному огнестрельному оружию и правильному строю, они неодолимы в открытом бою; но они также знают, что немцы тяжелы на подъем и медленны в движении; посему, видя немцев, расположившихся в укрепленном лагере или стоящих в поле стройными рядами, они не подступают

к ним близко, но издалека со всех сторон начинают окружать их точно кольцом и стерегут их, а все, что есть в окрестности, сожгут, истребят, испортят, так что, когда немцы пойдут куда-нибудь, то ничего не найдут годного к продовольствию, и таким образом, когда они будут изнурены лишениями и упадут духом, татары нападают на них, почти как уже на полуживых, и легко одолевают»²⁵.

Тактика блокады была крымским ответом на технологический перевес противника. На военном совете польско-литовской армии 27 июля 1656 года, накануне Варшавской битвы, командующий татарским корпусом Субхан Гази-ага согласился со Стефаном Чарнецким, что со шведской армией, имеющей огневое превосходство над поляками и татарами, сражаться нужно не в открытой битве, а посредством ведения «малой войны». Крымский военачальник говорил, «что, так как неприятель только на три дня взял продовольствия, так как он испытывал большие трудности с водой, которую мог достать только из Вислы, и так как его боевой порядок был столь хорошим, что казался движущейся крепостью, можно было уничтожить его без потери людей... они в короткое время выморили бы шведов без кровопролития, перерезая им все линии коммуникаций»²⁶.

Хотя полевые укрепления были опасным препятствием для крымской конницы, она, однако, могла успешно действовать, блокируя неприятеля и превращая боевые действия в осаду противника. После провала первого штурма русских позиций под Молодями (1572) Девлет I Гирей перешел к блокаде гуляй-города. Пискаревский летописец сообщает, что «в полках учал быти голод людем и лошадем великой; аще бы не бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде»²⁷. О тяжелом положении русских войск, страдавших от нехватки воды и еды, писал и Генрих Штаден. Он передает допрос воеводами пленного Дивея мурзы, заявившего: «"Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в 5-6 дней". Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага»²⁸.

После того, как крымские татары успешно атаковали и нанесли огромный урон польской армии под Зборовым (3-4 тыс. убитыми и пленными), по мнению М. Нагельского, положение блокированного под Зборовом польского табора уже через неделю стало бы похожим на положение осажденных в Збараже поляков²⁹.

Перед Берестецкой битвой перебежчик рассказал полякам, что хан Ислам III Гирей «постановил, что если [поляки] будут драться, то будет так действовать, как покажет война, а если не будут драться, тогда "осадим их и будем лежать в стране и при них до тех пор, пока их не доконаем"»³⁰.

Описывая русским послам ход Жванецкой кампании 1653 г., генеральный писарь Войска Запорожского Иван Выговский говорил: «...у польского де короля орда дороги занели и с чем в обоз х королю не пропустили. И что де были у короля в поможенье венгры, и мутьяне, и волохи, и у них де татарове лошади отогнали и их погромили. И они де, того убоясь, пошли в свои земли. И королю де от татар стало тесно и голодно, и той де тесноты и з голоду у короля в обозе ратные люди и немцы учели пухнуть и мереть»³¹. Страх оказаться в окружении был столь силен, что известие о приближении татар побудило к дезертирству в рядах польской армии. Угроза со стороны крымских войск вынуждала поляков ограничиться добычей провианта лишь в ближайших окрестностях Хотина³². Безусловно, именно отчаянное положение армии вследствие блокады вынудило польское руководство согласиться на переговоры.

В 1660 г. под Чудновым блокада русского лагеря крымской конницей привела к поражению воеводы Шереметева. Крымские всадники перехватывали гонцов, брали в плен фуражиров, нападали на отдельные отряды врага, вынуждая его сбиваться в тесную, голодную массу, осажденную в лагере. По словам участвовавшего в Чудновской кампании немецкого офицера на польской службе Иеронима Христиана Хольстена, поляки и крымцы блокировали лагерь царских войск столь плотно, что русские не могли отойти из него далее, чем на 20 шагов³³. Российский историк Д.Ф. Масловский писал,

что крымские татары «были незаменимы для захвата сообщений, для окружения лагеря засадами, для уничтожения фуражных запасов кругом стана; а между тем у Шереметева было более 35 тыс. только строевых коней, ежедневно нуждавшихся в фураже, и вся армия — в топливе»³⁴. Признавал решающим вклад крымской конницы в поражении русской армии и сам Шереметев: «Сам Василий Борисович... начальной причиной Чудновской катастрофы признавал неожиданное прибытие татар в помощь полякам: «Я шел — говорит Шереметев — против поляков, а про нурадина-царевича не ведал»³⁵.

В 1669 г. в сражении под Конончей крымские воины, запорожцы и казаки Суховиенко загнали войска гетмана Дорошенко в табор и продержали там в осаде пять недель. От окончательного поражения Дорошенко спасло прибытие турецкого чауша и признание гетмана подданным османского султана³⁶.

Едва крымские войска подошли к польским позициям под Журавно (26 сентября 1676 г.), они не только расположились перед противником, но и в тот же день перерезали дороги, соединявшие армию Яна III с Польшей³⁷.

В 1684 г. польско-литовская армия Яна III (18-20 тыс.) встала лагерем под Жванцем. Король рассчитывал блокировать Каменец-Подольский, занятый сильным турецким гарнизоном и в то же время вторгнуться в Молдавию, дойти до Ясс и посадить на молдавский трон лояльного Польше господаря. Войска Селима I Гирея (по польским источникам — 30 тыс.) имели целью не допустить польскую армию в Молдавию и выручить Каменец. Крымцы были опасным противником ввиду того, что, контролируя местность на пути продвижения польской армии, могли ведением «малой войны» сорвать ее поход. Не сумев вынудить противника дать генеральную битву, польская армия начала отступление, постоянно преследуемая окружившими ее крымцами³⁸.

Суть подобной тактики выразил Селим I Гирей в разговоре с каймакамом Кара Мустафа-пашой во время кампании на Правобережной Украине в 1674 г. Хан предложил паше такой план действий: он, хан, «обступит обоз около и не выпустит никого по съестным и по конские кормы, и московские де ратные люди оголодают и ему, каймакаму паше, добывать им в обозе будет способно»³⁹.

Существенным минусом «блокадной» тактики было то, что и само крымское войско не могло позволить себе слишком долго оставаться на одном месте. Оно теряло свое главное превосходство при наступательных операциях — скорость, а затягивание блокады означало неизбежные проблемы с фуражом, противник получал возможность мобилизовать новые силы. Поэтому далеко не всегда блокада оканчивалась успешно.

При продвижении вражеской армии ее встречали подожженные поля, отравленные колодцы, мелькающие то там, то здесь отряды татар, атакующие фуражиров и отставших солдат. Так, в 1691 г. польский поход в Молдавию был сорван по причине успешных действий крымских татар, которые налетали на противника, хватали отставших, нападали на отдельные польские части. Польские или русские военачальники до того свыклись с этими нападениями, что одного только появления более-менее крупных сил крымского войска на фронте было достаточно для принятия решения об отступлении. К примеру, в 1690 г. великий гетман коронный Станислав Ян Яблоновский отказался от похода в Молдавию именно по той причине, что узнал о наличии на севере Молдавии крупных татарских сил, что делало продвижение по контролируемой ими территории малоперспективным⁴⁰.

Крымские татары широко практиковали налеты на неприятельский лагерь с целью угона выпасаемых слугами коней и захвата самой челяди в плен. Этим достигалось сразу несколько целей: уменьшалась численность конского состава неприятельской армии; захват пленных обеспечивал командование свежей информацией о состоянии вражеских войск; противник под страхом новых нападений боялся выводить коней на пастбища, что неминуемо приводило к их истощению.

Примеров подобных атак столь много, что источники фиксируют их едва ли не в каждом втором сражении. Приведем лишь несколько примеров. Во время Цецорской кампании 17 июня 1620 г. (за 2 дня до решающей битвы) буджацкий вождь Кантемир перед самым польским лагерем напал на лужную челядь, захватив около тысячи слуг в плен⁴¹. В 1651 г., под Белой Церковью,

крымский отряд (4-5 тыс. всадников), обходя сражавшихся с казаками поляков, неоднократно успешно нападал на пасшую коней челядь⁴². Гетман великий коронный Миколай Потоцкий писал о действиях татар: «не допуская до живности, челядь и коней забирая; все переходы перекрыты»⁴³. Дневник королевича Якуба Собеского о походе в Молдавию в 1686 г. буквально пестрит упоминаниями о татарских налетах на челядь, коней и скот⁴⁴. Другой участник этого же похода, литовский шляхтич А. Скоробогатый объяснял провал экспедиции так: «...потому что был конский падеж и челяди орда набрала»⁴⁵.

По нашему мнению, умелое ведение «подъездовой войны» было одним из важнейших факторов столь прочно закрепившейся репутации крымского войска. Подвижность давала возможность не только обходить неприятеля с тыла/флангов в самом бою, но и контролировать вообще район ведения боев. «Подъездовая война» давала возможность проредить отряды вражеской армии, не подвергаясь риску генеральной битвы, нанося противнику урон несравненно более тяжелый, чем потери собственных войск. Так, во время Жванецкой кампании 1653 г. польская армия потеряла 8 тыс. человек (из 38-40 тыс.), по большей части умершими от болезней, голода и иных тягот войны⁴⁶. Уже само прибытие крымских татар означало для противника проблемы с продовольствием и фуражом. По этой же причине крымцы были желанным союзником для других армий.

О комплектовании пехоты в Крыму

Хотя почти все крымское войско состояло из конницы, уже с начала XVI века и вплоть до конца XVII века Гирей располагали также небольшим количеством пехоты, известной в источниках как тюфенкджи, сеймены и секбаны. Однако встает вопрос: как именно комплектовалась эта пехота и из кого? На основе добровольного найма или принудительной мобилизации? Существовали ли ограничения религиозного, этнического или географического характера?

Еще Менгли Гирей получал для проведения отдельных кампаний турецкую военную помощь, в том числе и янычар. Однако мы не располагаем сведениями о постоянной службе турецкой пехоты при крымских ханах вплоть до 20-х годов XVI века. Первым крымским ханом, имевшим при себе ружейных стрелков на постоянной основе, был Саадет I Гирей (1524–1532). При восшествии на трон Саадет Гирей получил от турецкого султана 200 янычар⁴⁷, ставших опорой его власти. Также он первый стал принимать на службу в качестве ружейных стрелков местное крымское население. Основание для подобного шага представляется вполне ясным: коль уж опорой хана были турецкие янычары, для восполнения присланного отряда (ибо в силу естественных причин он сокращался) приходилось прибегать к внутренним ресурсам. Ярлык Саадета Гирея, раскрывающий некоторые подробности службы пеших гвардейцев хана, демонстрирует привилегированное положение этих воинов. Стрелки Саадета Гирея становились тарханами, то есть не несли никаких повинностей и не платили налогов. Не только они, но и члены их семей получали освобождение от службы в феодальном войске (в ярлыке перечислено 11 мужчин, бывших кровными родственниками 3 тарханам, все 11 освобождались от воинской службы)⁴⁸.

По-настоящему широкий (в крымских масштабах) размах формирование пехотных войск приобрело в правление Сахиба I Гирея (1532–1551). Он прибыл в Крым с турецким эскортом, включающим в себя «60 пушкарей, 300 латников, 1000 сейменов, 40 фурьеров, 30 чавушей и 60 зиаметчиков и тимариотов»⁴⁹. Это небольшое войско не только должно было укрепить власть хана, но и, по замыслу османского правительства, осуществлять надзор за деятельностью самого Сахиба Гирея. Полученные им от султана силы (капыкулу, крымские капыкулу именовались также ханкулу) хан дополнял набираемыми в Крымских горах тат тюфенкджи (татскими мушкетерами; татами в Крымском ханстве называли немусульманское население горного и южнобережного Крыма), называемых улуфели тюфенкджи (мушкетеры на жаловании). Почему же именно таты? Это было вызвано тем, что ханы не могли набирать войска во

владениях беев без их согласия. В то же время крымская знать негативно относилась к инициативе Сахиба Гирея по найму пехоты в Крыму. По мнению аристократов, хан «стал отовсюду собирать вокруг себя и делать аркебузирами негодяев, способных стать причиной разрушения государства, и множество смутьянов [и] мошенников»⁵⁰.

Причина подобного отношения ясна — создание ханом собственного боеспособного войска уменьшала его зависимость от беев и давала ему мощный рычаг давления на знать. Поэтому властители Крыма и прибегали к набору солдат среди татов: горное и южнобережное население полуострова не подчинялось власти какого-либо бея (таты жили во владениях османского султана, со стороны хана управление Татским илем осуществлял тат-агасы). Таким образом, беи не могли помешать хану пополнять ряды своей гвардии.

Сахиб Гирей также создал корпус тюфенкджи куллар (рабы-мушкетеры), представлявший собой крымский аналог янычарского корпуса. Как и янычары, тюфенкджи куллар отбирались из иноэтничного населения (черкесов и представителей иных кавказских народов). Попадая в Крым в юном возрасте, черкесские мальчики воспитывались в духе личной преданности хану, что в долгосрочной перспективе позволяло заменить неизбежно уменьшающийся отряд турецких янычар. Эвлия Челеби отмечал, что ханкулу состоят из «детей абхазцев, черкесов и грузин», расселялись же они в Бахчисарае и его окрестностях⁵¹.

При Девлете I Гирее (1551–1577) сохранялось параллельное существование капыкулу (по-прежнему состоявших из пехоты и конницы) и улуфели тюфенкджи. Новый хан прибыл в Крым с традиционным турецким эскортом (600 янычар и 400 кавалеристов)⁵², и также полагался на население южного Крыма при проведении отдельных кампаний. Тат тюфенкджи выступали в походы с согласия турецких властей. Для привлечения к участию в очередном походе тамошнего населения приходилось пройти через ряд бюрократических процедур. Хан отправлял запрос в Стамбул, указывая количество стрелков, необходимое ему для похода. Султанская канцелярия

отсылала указ местной администрации Мангупского и Судакского кадылыков, сообщая, что хану нужно столько-то воинов, после чего составлялись списки личного состава и передавались крымскому командованию. При этом задача обеспечения солдат конским составом и одеждой возлагалась на оставшееся население⁵³. В некоторых случаях солдат набирали лишь из добровольцев-христиан, как, например, в 1552 году⁵⁴. Количество улufели тюфенкджи составляло всего несколько сотен. В 1567 Девлет Гирей запросил у османского правительства 200 стрелков, но в Стамбуле решили набрать для хана 500 пехотинцев. Возможно, число улufели тюфенкджи в отдельных походах могло быть еще большим. Германский посол в Стамбуле де Бусбек около 1560 г. записал, что из крымских готов «царёк татар, когда выступает в поход, набирает восемьсот мушкетёров-пехотинцев, главнейшую опору своих войск»⁵⁵.

Помимо участия в походах хана тат тюфенкджи использовались также для сопровождения знатных особ. В конце 1571 г. Девлет Гирей отпустил в Черкесию бесленеевского князя Канклыча Канокова, «а с ним отпустил провожати его Уруслана, черкашенина, да холопи тат послал с ним пятьдесят человек с ручницами для береженья»⁵⁶.

Как и его предшественник, Девлет Гирей продолжал комплектовать капыкулу за счет кавказцев: по данным польского посла в Турции Анджея Тарановского хан в Астраханской кампании 1569 г. имел несколько сотен стрелков с мушкетами, набранными из числа пятигорцев⁵⁷.

Огромным минусом этой системы была необходимость долгой бюрократической волокиты. В правление Гази II Гирея (1588–1608) рекрутирование пехоты упростилось. Предположу, что хану, учитывая его заслуги перед османской властью, разрешили нанимать мушкетеров сразу на месте, не прибегая к запросам в Стамбул. Хан обзавелся постоянным отрядом в 500 тюфенкджи, для содержания которых ввел специальный налог в 12 тысяч баранов, собираемых ежегодно с крымского населения⁵⁸. Как именно комплектовались тюфенкджи (ставшие теперь регулярным войском), известно

благодаря сообщению Лаврина Пясечинского, польского посла в Крыму в 1601–1603 гг. Согласно ему, они являлись «ружейными стрелками, выбранцами из сел, как и в государствах Вашей Королевской милости пана нашего, которые были неплохо обучены старыми янычарами»⁵⁹. Из его сообщения мы видим, что ханские стрелки рекрутировались подобно выбранецкой пехоте в Речи Посполитой, то есть один пехотинец выставлялся с определенного числа крестьянских семей (городское население рекрутскому набору не подлежало). Нам кажется сомнительным, чтобы районом рекрутирования крымских «выбранцев» был лишь ерз мирие (ханский домен) — он был довольно небольшим, включал в себя лишь земли между Альмой и Качой. Выдвинем следующую теорию: если ранее для набора пехотинцев с османской части Крыма требовалось разрешение турецких властей для каждой отдельной кампании, то на рубеже XVI–XVII веков Гази II Гирей, пользуясь большим уважением османского правительства, получил разрешение на наем стрелков для постоянной службы на территориях, подчинявшихся османским властям.

Вполне логично, что прежняя система, когда из населения Кефинской ливы отбиралось определенное количество солдат, нашла свое продолжение в комплектовании новых тюфенкджи. Учитывая данные по сельскому населению османской части Крыма и, видимо, ханского домена (на 1542 год в османских владениях в Крыму в сельской местности было 3 тыс. домохозяйств⁶⁰), предположим, что, начиная с Гази Гирея, 1 тюфенкджи выставлялся от 6-8 дворов.

О наборе пехотинцев из крестьян ханского домена может говорить и такой факт: в Крыму в правление Селима I Гирея проводилась «опись ружьям», которая соприкасалась с выяснением вопроса о том, кому непосредственно подчинялись жители ряда населенных пунктов — хану или бейам⁶¹. Отсюда можно сделать вывод, что это было связано с возможностью их привлечения на службу в ханскую пехоту.

Служба в сейменах, они же секбаны⁶² (так в XVII–XVIII веках называли тюфенкджи), была наследственной, при этом часть их постепенно обеднела

настолько, что едва могла нести тяготы постоянной службы (по-видимому, это было вызвано недостаточно высоким жалованием)⁶³. Национальный и религиозный состав сейменов был весьма пестрый и включал в себя крымских татар, греков, армян, потомков готов и караимов (офицерами, скорее всего, могли быть лишь мусульмане). Это было предопределено тем, что население южного Крыма было этнически неоднородным. Еще в начале XVIII века посол гетмана Мазепы называл татами горных христиан Крыма⁶⁴. В XVI–XVIII веках христианское население Крыма постепенно исламизируется, однако пока этот процесс шел, значительная часть ханских гвардейцев оставалась христианами. При этом этнические и религиозные рамки могли не совпадать: среди крымских сейменов попадались такие люди, как «татарин, верою армянин»⁶⁵, а один из болюкбаши (офицер, командовавший полусотней сейменов) Девлета II Гирея (1699–1702) был армянином-мусульманином⁶⁶. Сеймены набирались не только из христиан горного и южнобережного Крыма, в их рядах можно было встретить и крымских татар. Известна биография одного татарина из Синопа, который, приехав жить в Крым, явился в Бахчисарай, где был определен ханом Мехмедом IV Гиреем на службу в сеймены. На момент своего пленения казаками в 1658 г. он прослужил уже 15 лет⁶⁷. Известно, что одного из тюфенкджи на службе Селямета I Гирея (1608–1610) звали Аллахамар⁶⁸. Судя по имени, он был мусульманином.

О мусульманском вероисповедании многих сейменов говорит тот факт, что они шли в бой, декламируя аяты из Корана (по крайней мере, в XVIII веке)⁶⁹. По мнению Эвлии Челеби, секбаны состояли из одних лишь мусульман (хотя это явное преувеличение): «...вместе с самим его высочеством ханом было две тысячи греческих молодцов, исповедующих праведную веру, т.е. секбанов, вооруженных ружьями»⁷⁰. Мы не можем согласиться с точкой зрения Е. Теодорчука, полагавшего, что ханские власти не принимали в ряды сейменов крымских татар, ограничиваясь греками, армянами и черкесами⁷¹. В русских источниках (в том числе материалах допросов пленных сейменов) они постоянно называются татарами⁷².

Факт того, что крымские ханы набирали свою гвардию частью из христиан, подтверждает то, что христиане Крыма считались Гиреями лояльным населением. И те оправдывали возлагаемое на них доверие. Нам неизвестны случаи, когда христиане из состава крымской гвардии дезертировали или переходили бы на сторону врага.

Что касается тат тюфенкджи, то, по некоторым данным, они призывались и в XVII веке. Эвлия Челеби писал, что в 1666 г., во время сбора Адилем Гиреем войск против Ширинов, в число прочих контингентов в ханское войско вошли местные стрелки из ружей, причем хан привел 1000 пехотинцев, калга — 500, нуреддин — 500, а ханский везирь — 300⁷³. Этот же автор писал о жителях Татского иля: «Всего их до пятнадцати тысячи, татского народа, стрелков из ружей»⁷⁴. Мы полагаем, что под 15-тысячным народом стрелков из ружей Эвлия Челеби имел в виду мужское население Татского иля, а так как служили выходцы из татов ружейной пехотой, то он и назвал всех тамошних мужчин стрелками.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. Комплектование пехоты строилось на основе «выбора», сходного с комплектованием выбранецкой пехоты в Речи Посполитой, из сельского населения горного и южнобережного Крыма (в XVI–XVII веках — преимущественно немусульманского), при этом ряды мушкетеров также дополняли добровольцами. Ввиду того, что определяющим при рекрутировании тюфенкджи/сейменов был географический фактор, в их рядах можно было встретить людей различных национальностей и религиозных конфессий.

Слуги при войске

Слуги являлись неотъемлемой частью всех европейских (и не только) армий. Крымскотатарское войско не было исключением. Помимо собственно воинов, имевших надлежащее вооружение, в походах участвовало также большое количество человек, не несущих непосредственно боевой службы и

выполняющих вспомогательные задачи при армии, а также волонтеров, выступавших на войну ради грабежа.

Современники ханства четко различали воинов и вспомогательный компонент в виде слуг и волонтеров. Разделение татар на воинов и «мотлох» (motloch) мы видим во многих польско-литовских источниках. «Мотлохом» (т.е. толпой, чернью) в польских источниках называли войска с низкой боеспособностью или сопровождавших войска обозников. Например, наспех собранное в 1620 г. для отражения крымско-ногайских нападений польское войско согласно хронике Павла Пясецкого состояло из «2000 мотлоха». Во время вторжения крымских татар в Польшу в 1458 г. поляки «обнаружили сначала, что татары стоят двумя отрядами: в одном, бóльшем, мотлох, а в другом, меньшем, лучшее войско»⁷⁵. Поляки атаковали больший отряд, думая, что он представляет собой основные силы неприятеля, и легко победили его. Но затем сами были разгромлены в столкновении с меньшим войском. Выразительно подчеркивал разницу при описании боевых действий в 1458 г. Ян Длугош, упоминая татар-«рыцарей» и татар-«джур»⁷⁶. В татарском набеге на литовские земли в 1498/1500 г. участвовали «люди посполитый, добрый и теж подлейший»⁷⁷, то есть как воины, так и «чернь». «Весьма многие люди в татарском войске не имеют никакого оружия и не используются в боях», — отмечал Мартин Броневский⁷⁸. Джильс Флетчер сообщал о крымскотатарском войске следующее: «Рядовые не обязаны стеречь пленных и другую добычу, дабы не отвлекаться от военных занятий; но у них есть особые отряды в войске, которые определены нарочно для того, чтобы принимать и стеречь пленных и другую добычу»⁷⁹.

Большой интерес представляет описание крымского войска, оставленное Павлом Пясецким в 1595 г.⁸⁰ Высоко оценивая ханских воинов, которых он видел как «множество вышколенных людей», Пясецкий вместе с тем мельком отмечал, что при том войске находилось «большое количество мотлоха». В 1644 г., по данным М. Остророга, вторгшееся в Польшу войско насчитывало 30 тыс. «добрых воинов» и 10 тыс. «черни»⁸¹. В 1651 г. «по смете де было с

крымским ханом и с нурадыном самого доброго конного бойца с 80 000, опричь их детей и чур, которые на добычу ездили, а было де тех добыточников с 100000»⁸². Согласно «Диариушу войны с Шереметом» в Чудновской кампании 1660 г. на помощь полякам «султан с ордами пришел, которых насчитывалось 40 тысяч сабель, не считая кошевых людей»⁸³. По другим данным в той кампании принимало участие «отборных ордынцев 40 000, а черни до 20 000»⁸⁴. Поляки прекрасно осознавали разницу между воинами и «мотлохом». Анджей Максимилиан Фредро писал, что в случае поголовной мобилизации, когда в армию призвуют пастухов, «даже с теми, кто без сабель, а только кистени (т.е. маслаки. — *А.Ш.*) имеет», ханство может собрать 100 тыс. человек⁸⁵. В данном случае мы видим представление о «полноценном» крымском воине как о воине с саблей.

Ряд историков XIX века также отделяли небоевую часть армии от собственно бойцов. Российский историк А. Барсуков писал о Чудновской кампании, что «сверх этих сорока тысяч воинских людей», с султанами пришло целое «полчище татар, на обязанности коих лежало оберегание добычи, пастьба лошадей и вообще служба при обозе»⁸⁶. О.И. Сенковский отмечал: «Крымчане, вторгаясь в Польшу, высылали вперед своих отборных воинов... лужная же голота, плохо вооруженная и непригодная к бою, позади воинов разбегалась кучами, с арканом в руке и с конем для перевозки добычи; если первые терпели поражение, вторые бежали на родину»⁸⁷.

В Крыму не питали иллюзий по поводу таких импровизированных войск. Так, в 1612 г. ввиду неизбежности битвы с поляками Батыр-бей отправил вперед обозников и ясырь, а сам с воинами готовился к бою⁸⁸. В 1644 г., «когда орда достигла Жолтых Вод, начальники пересмотрели войско, и всех тех, у кого не было хороших лошадей и вооружения, отправили обратно в Крым, оставивши лишь 20,000 отборной конницы»⁸⁹. В 1675 г. нуреддин Сафа Гирей вторгся на территорию Польши с армией, которая, согласно польским источникам, состояла из 60 тысяч человек, однако непосредственно для

сражения с поляками нуреддин взял с собой лишь часть войска, притом самую боеспособную («20 тысяч отборной орды»), оставив остальных в тылу⁹⁰.

Коронный стражник Стефан Хмелецкий, со слов пленных татар, оценивал стоявшее под Белой Церковью в 1626 г. крымско-ногайское войско в 40 тысяч конницы, не считая такого же количества «kazandziów, to jest motłochu»⁹¹. По предположению Д.С. Вирского, «казандзий» — это татарское слово «казанчи», то есть тот, кто находится при котлах, и оно могло означать «едок, содержанец»⁹². Действительно, нетрудно увидеть связь между «казандзием» и крымскотатарским словом казанджи. Аффикс –чи/джи в крымскотатарском языке означает род деятельности. Следовательно, если исходить из дословного значения, казанджи при войске — это те, кто ответственен за казаны, главное (наряду с лошадьми и ясырем) имущество воинов. Учитывая, что войско, со слов пленных, состояло лишь из воинов и казанджи, предположим, что казанджи — это обозначение всех категорий обозной прислуги.

Наиболее важной функцией казанджи была пастьба коней. Эвлия Челеби писал о крымцах на марше: «Как только они сходят с лошадей, они отпускают их в степь с мальчиками. Кони там валяются, играют в траве и пасутся»⁹³.

Были при войске и чабаны. Источники сообщают, что армию в походе сопровождали целые стада скота. Эвлия Челеби сообщал о переправе крымских татар через Днестр: «Аги этой крепости Очаков приготовили для хана сто судов и плотов, и хан и всё войско погрузились на суда. И все переправились на другую сторону, причём за переправу скота, принадлежавшего войску, была взята плата: за каждую лошадь и каждого вола — по одному с четвертью акче и за каждого барана — по одному акче»⁹⁴. Из дневника Хотинского похода Прокопа Збигневского мы узнаем, что в ночь с 21 на 22 сентября 1621 г. лисовчики захватили троих татарских чабанов, коней и немного волов⁹⁵. Во время кампании 1617 г. поляки поймали несколько татар-«woźnic», неосторожно выехавших за сеном⁹⁶. Переволоченский и городской сотники писали полтавскому полковнику 5 февраля 1675 г., что они, наблюдая татарское войско из камышей, вышли после прохода войска и напали на группу из 20

татар, гнавших стадо в 1000 голов: «...войско на то стадо нашли и все стадо отбили и крестьян для языка поймали, потому что немного их было за стадом, всего с двадцать человек»⁹⁷. Итак, при войске находились также чабаны, ответственные за выпас и фуражировку скота, однако сколько их было, неизвестно. По всей видимости, немного, ибо для ухода за скотом не требовалось большого количества человек.

Служба при войске не ограничивалась пастьбой лошадей и скота. Нужно было охранять пленных и имущество в то время, когда воины отправлялись в бой. Ногаец, взятый в плен поляками под Берестечком (1651), показал на допросе, что «не знает, какова численность орды с ханом, так как стережет казан и лошадей»⁹⁸. В 1675 г. во время наступления на Львов крымцы «оставили в коше при ясыре по одному с каждого десятка»⁹⁹.

Социальный статус у слуг был ниже, чем у воинов. Так, Менгли I Гирей, желая показать, сколь тяжелыми были бои крымских татар с литовцами в 1498 г., сообщал великому князю московскому Ивану III: «...моих людей туту убили 300 человек добрых, а 200 человек молодых»¹⁰⁰. «Молодыми» называли людей, занимавших более низкое положение в обществе¹⁰¹. Мы предполагаем, что хан имел в виду именно слуг.

Какой же была общая численность обслуживающего элемента при армии? Источники сообщают, что «черни» при крымском войске могло быть значительно больше, чем воинов. Мы считаем, что такая диспропорция достигалась при присоединении к войску добровольцев, выступавших на войну ради грабежа. В случае если волонтеров при войске было мало либо не было вовсе, источники указывают на преобладание воинов. Зимой 1643/1644 г. в период Охматовской кампании соотношение воинов и слуг в ханской армии составило, согласно реляции М. Остророга, 3 к 1. При этом в походе участвовала именно армия, плохо вооруженные волонтеры были отосланы командованием обратно в Крым. В 1660 г. под Чудновым, согласно Ерличу, соотношение составило 2 к 1. Учитывая, что в этом году крымские войска действовали сразу на нескольких направлениях (сам хан отправился в поход на

донских казаков), предположим, что число волонтеров при армии было относительно небольшим. Итак, мы можем сделать вывод о том, что воинов в целом было больше, чем слуг. Ввиду этого будем полагать, что на 10 воинов приходилось 3-4 казанджи.

Изучение роли слуг и волонтеров при крымском войске позволяет дать ответ на вопрос, почему одни источники пишут о вполне хорошем (хотя и легком) вооружении крымских татар, а другие, напротив, пишут, что крымцы имели одну саблю на троих. Если в европейской армии можно было легко отличить, скажем, мушкетера или пикинера от маркитанта, то в случае с крымскими татарами ситуация была сложнее. И воин, и его слуга ездили на бахматах, носили кожухи и епанчи. В то же время воин носил при себе саблю и лук, а слуга зачастую обходился кистенем. Однако сторонний наблюдатель, увидевший крымское войско на марше, обозревая едущих вместе с воинами казанджи, мог сделать вывод, что часть татарских ратников имеет оружие, а часть же безоружна. Невзирая на периодические упоминания ряда современников ханства о небольшом числе сабель и луков и преобладании импровизированного оружия в крымском войске, в самом бою, согласно источникам, используются именно луки и сабли. Это говорит о том, что обладатели кистеней к бою допускались нечасто, хотя и могли участвовать в завершающих фазах боя — грабеже лагеря и преследовании бегущих, либо в решающие эпизоды битвы, когда требовалась любая посильная помощь. В битве под Лопушной (1512) крымские воины атаковали польско-литовские войска, но ввиду сильного сопротивления со стороны противника «встали в один строй вместе с теми, кто был при полоне, оставив при имуществе немного подлейших»¹⁰². В данном конкретном случае обозники все же были брошены в бой, однако мы видим, что это произошло лишь тогда, когда участия самих воинов было недостаточно для победы.

Помимо слуг, в походы шли и волонтеры — добровольцы, отправляющиеся в поход ради грабежа. Так как слуги и волонтеры не являлись полноценными воинами, однако все же могли принимать участие в боевых

действиях, мы считаем возможным предложить при подсчете численности крымского войска делить его на воинов и слуг/волонтеров, как это делают исследователи в отношении армии Речи Посполитой, взяв за основу соотношение 50 на 50. Например, если предположить, что в случае крупных операций в поход с Крыма выступало 30-40 тыс. человек, то 15-20 тыс. были воинами. Если известно, что число волонтеров при армии было небольшим, соотношение воинов и слуг может быть определено как 2 к 1.

Кош как наименьшая единица крымского войска

Одной из наименее освещенных тем военного дела крымских татар является иерархия подразделений армии Крымского ханства. Тем не менее исследования все же позволяют составить некое представление о численности и обнаружить название наименьшей численной единицы крымскотатарского войска.

В источниках и историографии последняя имеет разные наименования: казан (то есть воины, питающиеся с одного казана), десяток (указание на число) и кош (что можно перевести как «соединение»). Название «десяток» является употребительным для ряда иностранных источников. Боплан писал о крымских татарах: «Они составляют товарищества по 10 человек»¹⁰³. Жан де Люк отмечал, что «татары делятся на десятки. У каждого десятника есть котел для варенья мяса, малый барабанчик, который возят на луке седла»¹⁰⁴. В 1675 г. во время наступления на Львов крымцы «оставили в коше при ясыре по одному с каждого десятка». О. Сенковский полагал, что у крымских татар десяток воинов назывался казаном¹⁰⁵. Турецкий автор описания Северного Причерноморья (1740) так рассказывал о буджакских татарах: «При выступлении на войну идут группами, называемыми *казан*, под командой мирзы»¹⁰⁶. Принимая во внимание имеющиеся данные, мы полагаем, что обычная численность подобного соединения была меньше десяти человек.

По словам Эвлии Челеби, «сколько бы врагов не покушалось на Крым, они придут со стороны Ора. Поэтому постоянно здесь наготове двенадцать

тысяч кошей конных удалых воинов в полном вооружении»¹⁰⁷. Как следует трактовать эту фразу? Разумеется, под кошом подразумеваются воинские соединения. Но вместе с тем, учитывая масштабы крымского войска (даже в представлении Эвлии), можно сделать вывод, что речь идет о явно небольших отрядах. По мнению турецкого путешественника, крымских воинов всего 126 тысяч, однако часть их в походы не идет, ибо должна охранять свои дома, поэтому в поле хан мог вывести 80 тысяч¹⁰⁸. Исходя из чего, мы предполагаем, что под 12 тысячами кошей, охраняющими Крым, подразумевается полевое крымское войско. Тогда один кош Эвлии (точнее, его крымских информаторов) — это 6-7 воинов.

Данное предположение находит свое подтверждение и в сведениях, сообщаемых придворным хана Сахиба I Гирея Реммалем Ходжой. В 1539 г. для продвижения через горы во время похода на черкесов хан «выбрал особое войско: из каждого соединения («кош») двух человек с лошадей для каждого, тогда как остальная армия должна была находиться в лагере там, где она находилась. С этим особым войском, которое, по словам Реммалю Ходжи достигало одиннадцати тысяч человек, хан вступил в высокие горы»¹⁰⁹. Подразумевается, что всего кошей было 5,5 тысяч. При этом крымское войско, как фиксирует хронист, в том походе насчитывало 40 тысяч человек¹¹⁰. Следовательно, кош в представлении крымских татар и в XVI веке насчитывал в среднем 7 человек.

Луиджи Фернандо Марсильи (конец XVII века) писал, что татарские всадники делятся на отряды по 5-7 человек, которые питаются из одного казана (котла). При этом войско татар считают по казанам и, если командирам нужно доложить вышестоящему командованию о числе их войск, они указывают число казанов¹¹¹. Это подтверждается вышеприведенными цифрами, указанными Реммалем Ходжой и Эвлией Челеби, также оперировавшими кошами как некими соединениями, имеющими определенную, штатную численность, а Эвлия Челеби считал возможным вместо указания общей численности крымского войска просто указать число кошей. Впрочем, казаны в

реальных походных условиях могли быть еще меньше. Так, в 1642 г. русские напали на кош, где находилось 200 татар, и захватили там 50 казанов¹¹². Из кошей состояли также и отряды самого хана, а также калги и нуреддина. Эвлия Челеби, описывая движение крымского войска на марше, писал, как опасно было продвигаться в сплошной массе людей и лошадей, и потому он сам «из страха перед этой опасностью отъезжал в сторону вместе с кошами хана, калги и нуреддин-султана»¹¹³.

Выше уже приводились сообщения ряда источников о том, что крымские татары делились на группы по десять воинов. Согласно реляции Яна Доброцельского о битве под Белой Церковью (1626), в набеге участвовало 100 тыс. татар, а в качестве трофеев после разгрома татарского войска поляками было захвачено 10 тыс. казанов¹¹⁴. Разумеется, Доброцельский в разы завысил реальную численность крымско-ногайских войск, однако представляет интерес его мнение, что соотношение между казанами и людьми составляло 1 к 10.

Отдавая приказ о мобилизации армии в ханстве в 1501 г., Менгли Гирей требовал, чтобы «межи бы пяти человек телега была»¹¹⁵, что можно истолковать как указание на то, что первоначально кош мог быть равен 5 воинам. В масштабном крымско-ногайском вторжении в Речь Посполитую в 1575 г. татары оставили в коше каждого пятого (и всех мушкетеров), а прочие пошли в набег¹¹⁶. Любопытный факт: русские купцы, торговавшие в Крыму на рубеже XV–XVI веков, также делились на котлы по 5-6 человек¹¹⁷ (по мнению В.Е. Сыроечковского, купеческий котел насчитывал 3-4 человека¹¹⁸). Возможно, это было обусловлено татарским влиянием. Выдвинем предположение, что кош насчитывал 5-7 воинов.

Обращение с павшими и ранеными в войске Крымского ханства

Если вопросы о численности и тактике крымского войска еще получают освещение в работах современных исследователей, то внутренняя жизнь ханской армии по-прежнему остается практически вне поля зрения историков. Одним из таких «белых пятен» является обращение крымских татар с убитыми

и ранеными соратниками и воинские погребальные традиции, бытовавшие в крымском войске.

Крымские татары были известны своей взаимовыручкой на поле боя. «Мужественны обаче и смелы, един за другаго умираючи», — отмечал А. Лызлов¹¹⁹. Польский автор «Виршованной хроники» писал: «Велика любовь между ними и хотя они и в поганстве, но один другого спасает»¹²⁰. Источники постоянно сообщают, что убитый или раненый воин выносился своими товарищами с поля боя. Под Корсунем (1648) залп из пушек по отряду татар убил одного из них, «значного», ибо татары перебросили его через коня и увезли с собой¹²¹. Во время перестрелки под Зборовым (1649) один из польских челядников «ранил татарина, которого татары сразу же забрали с собой, другие — забрали коня»¹²². В битве под Берестечком (1651) «татары же своих убитых тотчас подбирали, стараясь даже не допустить их падать с лошадей»¹²³. В битве под Бужином в 1677 г. казаки пытались захватить тело убитого крымского мирзы, однако «как того мурзу убили и для его тела кинулось татар человек больше тысячи и тело его ухватили, а им не дали»¹²⁴. После отражения одной из атак крымской конницы в битве под Подгайцами (1698) «татары, забрав с собой раненых и убитых, отошли на расстояние выстрела из лука»¹²⁵.

Как же крымцы хоронили увезенных с поля боя убитых? Практиковались два способа похорон: погребение и кремация. Вероятно, предпочтение сожжению трупов отдавали при наличии рядом деревянных построек, в противном случае погибшие предавались земле.

К примеру, после неудачного нападения на украинское село Мотовиловка (1684) татары отвезли своих погибших соратников (бой стоил им десятерых погибших) к лагерю и там похоронили¹²⁶. Сообщая о сражении с русским войском у Чуднова (1660), Эвлия Челеби сообщал о том, что, когда наступила ночь после битвы, «татарские всадники перевозили на лошадях к своим кошам оставшихся на поле битвы убитых и натирали солью — с целью сохранения — трупы тех мертвецов которых надлежало везти в Крым; многих же закапывали в неоскверненную землю»¹²⁷.

Но значительно чаще встречаются упоминания о сожжении трупов. После боя у Баворова в 1589 г. крымцы отнесли своих убитых в несколько ближайших домов и там сожгли¹²⁸. В битве под Орининым в 1618 г. между поляками и крымско-буджацким войском воины калги Девлета Гирея собрали ночью оставшиеся на поле боя трупы своих погибших, отнесли их в дома и сожгли¹²⁹. То же самое было сделано после сражения крымского авангарда с поляками у Охматова (1644): «...тех, которые пали в начале сражения, сами татары снесли в мельницу и в несколько домов и сожгли»¹³⁰. В 1667 г. после отражения поляками крымской атаки в битве под Подгайцами крымцы вновь унесли с собой трупы павших, сложили их в сельских домах и сожгли¹³¹. В 1695 г. после боев за Львов крымцы унесли с собой часть убитых, сложили их в церкви и 4 домах и «по своему обычаю» сожгли их¹³². Традиция крымцев не оставлять врагу трупов павших и забирать их с собой была известна и соседям Крыма: после поражения ханского войска под Берестечком польский участник сражения с удивлением отметил, что «около тысячи мертвых и раненых бросили татары на дороге, что прежде считалось у них безбожьем. Видно, что жестокая нужда и смятение их навели»¹³³. Уходившие из-под Берестечко «татары во время бегства, когда им удалось оторваться от погони, похоронили кого-то своего вождя. Над его телом они с плачем сожгли много соломы и исполнили другие надлежащие у татар церемонии, которые не сделали бы для простого смертного»¹³⁴.

Эвлия Челеби упоминал, что некоторых погибших увозили в Крым. Судя по имеющимся данным, можно предположить, что речь шла о представителях аристократии. Так, брат знаменитого Тугай-бея Султан-Гельджи умер во время кампании против поляков в 1648 г., а его тело по приказу брата было отвезено в Крым для погребения¹³⁵. Тело самого Тугай-бея после его смерти также был отвезено в Крым¹³⁶. Трупы нескольких мурз, погибших во время кавказского похода Фетих-Гирея (1733) были привезены в Крым¹³⁷. Их тела были отправлены вместе с отрядом, ушедшим в Крым с захваченной во время похода добычей. Можем предположить, что и в прочих случаях, когда от войска

отделялись отряды, ведущие ясырь в Крым, они же и сопровождали тела погибших.

Если же имелась техническая возможность перевезти трупы на далекое расстояние (к примеру, на плотках), либо погибшие пали недалеко от Крыма, то на родину переправляли трупы всех погибших. Так, во время одного боя с казаками на Днепре в 1660 г. «только шесть человек из воинов ислама испили из чаши смерти да двадцать коней пало. Погибших погрузили на лошадей и тела их доставили в Крым»¹³⁸. О сражении с венграми в 1657 г. Эвлия Челеби писал: «...чашу смерти осушили семьсот человек из татарского войска. Их тела были пересыпаны солью и на плотках переправлены в Крым»¹³⁹.

Даже если значительное количество больных и раненых отягощало обоз и понижало в силу этого боеспособность войска, крымские татары предпочитали возить их с собой. Получение ранения давало законную возможность покинуть армию и возвратиться в Крым. Так, в 1657 г. после боев с казаками на Днепре раненые воины возвращались в Крым¹⁴⁰. В 1695 г., в период боев под Азовом раненые «были отпущены по домам, как только получили раны»¹⁴¹. Сахиб Гирей писал польскому королю Сигизмунду (речь шла о походе на Москву в 1541 г.) о том, что во время марша 30 человек оставили крымское войско и отправились домой, ибо были больны, однако польские казаки ограбили и поранили их¹⁴². Отсюда можно сделать вывод, что больные (по возможности) также покидали войско и уходили домой.

Раненые в боях в далеких походах возились при армии на лошадях, волах и повозках¹⁴³. После деблокады Белграда в 1693 г. крымские татары возвращались домой вдоль Дуная, раненые и больные (в количестве 270 человек) для скорейшего прибытия домой были погружены на корабли и после плавания по Дунаю и Черному морю доставлены к Гезлеву¹⁴⁴. Для транспортировки раненых и убитых использовались даже ковры, переброшенные через лошадей¹⁴⁵. Подобной традиции крымские татары придерживались все время существования ханства — еще в 1770 г. в битве под Ларгой они увозили с собой убитых и раненых¹⁴⁶.

В завершение отметим, что крымские татары по возможности увозили с собой убитых, как правило, сжигали их в близлежащих постройках, либо хоронили в земле рядом с лагерем. Убитых мурз и беев нередко увозили для захоронения в Крым. Раненых крымские воины также забирали с собой, используя различные способы для их перевозки. Те же раненые и больные, кто мог ездить на коне, получали возможность оставить войско и вернуться домой самостоятельно.

Военное право в крымском войске

При изучении внутренней жизни крымскотатарской армии нельзя не задаться вопросом о военном праве. Как крымское командование наказывало провинившихся воинов? Существовали ли определенные виды наказания за соответствующие проступки?

В случае совершения преступлений воинами, входившими в состав гарнизонов, их дела должны были разбирать местные городские суды, руководствуясь шариатскими нормами. Так, в приказе хана Хаджи II Гирея по поводу назначения Хасана Беше командиром гарнизона Карасубазара (1684) указывается, что если «кто-то из них в чем-то ошибиться, он того проведет к судье города Карасу, и после вынесения приговора он уполномочен совершить наказание согласно приговору»¹⁴⁷.

Высший судья государства (кадиаскер) назначал окружных судей (кадиев), и должен был сопровождать ханскую армию в походе¹⁴⁸. Если поход возглавлял не хан, а калга или нуреддин, их судьи становились главными судьями действующего войска. Как сообщал Пейссонель, «если нурадин командует войсками, его кади делается кази-аскером или военным судьей»¹⁴⁹.

При этом в источниках постоянно встречаются свидетельства того, что в каждом конкретном случае мера налагаемого наказания определялась командующим войском — ханом, калгой, нуредином либо отдельными беями или мурзами. Ввиду этого за одну и ту же провинность командующие могли приговорить к разным видам наказания.

Известно, что за уклонение от мобилизации нередко угрожали смертной казнью. Так, выступая в поход против Великой Орды весной 1501 г., Менгли I Гирей пригрозил, что каждый уклонившийся от похода (призывной возраст начинался с 15 лет) будет казнен, а его имущество конфисковано¹⁵⁰. Угроза лишить жизни уклонистов была озвучена и в приказе Сахиба I Гирея о мобилизации в 1546 г.¹⁵¹ Нуреддин-султан Шахин-Гирей в 1694 г. приказал всем, кто имел коня, присоединиться к нему, объявляя, что отказавшиеся будут казнены, а их имущество конфисковано¹⁵².

Однако в реальности до таких мер если и доходило, то редко. В случае перехода к осуществлению репрессивных действий ограничивались отдельными казнями. Сафа-Гирей при наборе войска в 1692 г. для похода на австрийский фронт на помощь туркам испытывал трудности с мобилизацией, так как крымцы не хотели идти в столь дальний поход. Хан, не добрав войска, все же выступил из Бахчисарая. Находясь в походе, хан отправил калге Кара Девлет-Гирею 4 болюкбаши с приказом выслать в поход тех, кто не выступил раньше и казнить 24 человек из числа знатных и богатых крымцев в назидание другим. Хан шел на этот шаг, чтобы, отправив к султану головы казнённых, оправдаться этим за проваленную мобилизацию. Калга исполнил приказ. Головы пятнадцати казнённых были посланы хану, хотя некоторые из приговорённых к казни бежали в Кафу¹⁵³. Походы для содействия османских войскам не вызывали сочувствия у крымского населения и мобилизации для дунайских походов нередко сопровождалась насилием со стороны властей. В 1691 г. хан Саадет III Гирей «кого из крымских и буджацких татар упросил, кого изрубил саблей, а кое-как да набрал десять тысяч татар»¹⁵⁴.

Наказанием за уклонение также было обрезывание ушей и носов. Когда в 1588 г. Ислам II Гирей собирал войско для похода на украинские земли, хан отправил в Крым янычар, которые должны были отправлять к Ислам Гирею уклонистов. Хан конфисковал их лошадей и имущество, а самим провинившимся приказал резать носы и уши¹⁵⁵.

Крымское войско, даже находясь на землях союзников, продолжало заниматься грабежами и уводом населения в рабство, что не раз побуждало командование к применению карательных мер (впрочем, командование также часто санкционировало подобные грабежи). По словам Пейссонеля, «грабеж татарам запрещен в дружественных странах под страхом жестокого телесного наказания (палочных ударов), угроза которого не сдерживает их»¹⁵⁶. В 1653 г. во время Жванецкой кампании крымское командование запрещало воинам грабить украинское население: «Наказ есть большой, чтобы Руси татаровя ничего не чинили, и за проступок и вину несколько татар повесили»¹⁵⁷. В 1659 г. хан Мехмед IV Гирей выступил на Украину для помощи гетману Выговскому в борьбе с русскими. В качестве наказания за грабежи украинских земель хан послушникам «обрезывал носы и губы для того, чтоб меж им, ханом, и Выговским ссор никаких не было, а быть везде заодин»¹⁵⁸. В 1678 г. во время одного из набегов на Левобережье мурзы запретили своим воинам грабить и угонять в рабство украинское население Правобережья под страхом смертной казни, так как последнее рассматривалось как часть Османской империи, а его жители, соответственно, как подданные султана¹⁵⁹. Саадет III Гирей в 1691 г. при прохождении крымского войска через Валахию обрезал провинившимся в мародерстве уши и носы, приказывал бить воинов дубинами¹⁶⁰. В 1693 г. нуреддин, выступивший на Украину по приглашению беглого гетманского канцеляриста Петрика, приказал забить лошадей тем воинам, которые грабили украинцев: «Татары нахватили под Переволочной у жителей скота и овец, но салтан рассердился на это, велел перебить у грабителей лошадей и самих чуть не побил»¹⁶¹.

При затягивании кампаний некоторые воины, месяцами не видевшие своих семей, проявляли склонность к бегству домой. В 1671 г. хан Селим I Гирей вторгся в Кабарду. Крымцы провели там восемь месяцев, в том числе всю зиму 1671–1672 гг. Некоторые воины бежали в Крым. Хан послал за беглецами, приказав казнить трех мурз, а остальных дезертиров вернуть к нему¹⁶². В 1696 г. калга Девлет-Гирей «пытался удерживать своих крымцев,

чтобы разорять Слободскую Украину, но чернь татарская самовольно бежала, Калга приказывал непослушным резать носы и уши»¹⁶³. В 1755 г. во время затянувшейся экспедиции в Черкесии в войске ширилось дезертирство. Часть беглецов, уходивших в Крым через Перекоп, были пойманы и в количестве более двух десятков человек брошены в крепостную тюрьму, а двое мурз по приказу хана были повешены¹⁶⁴. По другим данным в том же походе по приказу хана за дезертирство было повешено 30 человек¹⁶⁵. Конокрадство во время войны наказывалось стандартно — отрезание ушей и носов и повешение¹⁶⁶. Воровство также не оставлялось безнаказанным. В одном из черкесских походов Сахиба I Гирея хан сурово наказал нукера калги Эмин-Гирея. За похищение раба у простолюдина было приказано привязать провинившегося за шею к артиллерийской повозке и пороть кнутом при каждой остановке по дороге в Крым¹⁶⁷.

При участии крымских войск в османских военных кампаниях турецкие командующие также судили крымских татар, в том числе аристократов, и имели право выносить смертные приговоры. Во время совместных действий крымских и союзных (польских, казацких) армий разбор конфликтных ситуаций также был актуальным в глазах командования. Во время Охматовской кампании 1654–1655 гг. крымские военачальники обещали польским препятствовать угону лошадей и челяди с польского лагеря (чему уже были примеры) под угрозой смерти¹⁶⁸. Тех же ослушников, кого ловили поляки, последние могли наказывать по своему усмотрению. Польское же командование подвергало наказанию своих воинов за преступления против крымских союзников так же, как если бы преступление было совершено против другого поляка¹⁶⁹.

Таким образом, среди наиболее часто встречавшихся мер наказания в ханском войске мы видим обрезание ушей и носов, телесные наказания (в том числе в виде ударов дубинами), тюремное заключение, а также смертную казнь. Наказаниям подвергались за уклонение от призыва, бегство из армии и невыполнение приказов командования. При этом аристократы, как правило,

наказывались значительно более строго, чем простолюдины, ввиду феодального характера войска (знать считали ответственной за поведение подчиненных ей воинов).

«Татарский маскарад»

В войнах середины XVII века источники отмечают любопытный феномен: воины восточноевропейских армий переодеваются в татар (или, во всяком случае, пытаются изобразить их наличие на поле боя), чтобы устрашать друг друга присутствием крымских воинов. Нам известны примеры «татарского маскарада» (наш термин) во время восстания Хмельницкого (присутствие татар изображали казаки) и во время «шведского Потопа» (в роли «актеров» выступали поляки).

Одним из крупнейших поражений польской армии в боях с казацко-татарскими войсками стала битва под Пилявцами (1648). Казацкий гетман Богдан Хмельницкий не наступал через отделявшую обе армии реку Икву, пока не прибыл отряд буджацких татар. Это вызвало у казаков моральный подъем¹⁷⁰. Так как присутствие татарских союзников оказывало деморализующее воздействие на поляков, хотя при этом их реальная численность была небольшой (по словам украинского гетмана — 3 тыс.), «Хмельницкий для устрашения поляков одел многих казаков по-татарски в бурнусы и вывернутые кожухи. Этим он обманул поляков и, наполнив их сердца страхом, вынудил этих богатырей над бокалами токайского вина бежать сломя голову»¹⁷¹. Польский хронист Иоахим Ерлич сообщал, что «пан Замойский со своими людьми, а другой воевода Киевский, начали сейчас же, увидев, что при казаках находятся татары, бежать, потеряв стыд»¹⁷². Великий канцлер литовский Альбрехт Станислав Радзивилл также отмечал, что известие о приближении татарских войск вызвало панику и бегство польских военачальников¹⁷³. Самуил Твардовский писал, что казаки, переодетые в татар и наступавшие вместе с ними, кричали «Алла!»¹⁷⁴.

В некоторых других битвах Хмельщины казаки если и не переодевались в татар, то, во всяком случае, пытались создать иллюзию их присутствия на поле боя. В битве под Лоевым (1649) казаки, наступая на боевые порядки литовской армии, кричали «Алла!», подражая боевому кличу крымских татар¹⁷⁵. По мнению историка Я. Комуды, казаки знали, какое впечатление оказывал этот клич на коронную шляхту, и потому пытались утратить литовских воинов¹⁷⁶. Под Монастырищем (1653) Иван Богун ударил в тыл осаждавшим город полякам, приказав своим воинам атаковать, «подняв крик на татарский лад», что деморализовало поляков и привело к их отступлению¹⁷⁷. Одним из факторов страха перед татарами, помимо боевых качеств крымских и ногайских воинов, было опасение оказаться в блокаде.

В целом опыт «татарского маскарада» был успешен. Уже вскоре после заключения союза между Крымским ханством и Речью Посполитой (1654) и начала «шведского Потопа» (1655) его практиковали сами поляки.

В результате шведского вторжения и массового перехода шляхты на сторону Карла X Густава сторонники Яна II Казимира пытались переиграть противника на поприще пропагандистской войны. По Польше расходились письма (скорее всего, сфабрикованные), в которых хан Мехмед IV Гирей угрожал расправой шляхтичам, примкнувшим к шведам. Одних только слухов о возможном прибытии татарских войск для борьбы со шведами и их сторонниками оказалось достаточно, чтобы привлечь под знамена короля еще не определившуюся с выбором шляхту¹⁷⁸. Более того, речь шла также о посылке крымского корпуса (видимо, значительную, если не большую его часть составляли буджакцы) в помощь Яну II Казимиру. Однако бои шли, шведские войска маршировали по коронным землям, татар же все не было и не было. Тогда польские военачальники прибегали к инсценировке их прибытия.

Поляки были уверены, что шведы боятся татар, поэтому, ожидая подхода союзников, они разыгрывали перед противником целые представления. Стефан Чарнецкий в своей реляции о битве под Ярославом 12 марта 1656 г. писал: «12 марта выслали подъезд, а за ним два полка, которым приказали спрятать

знамена, а на их места выставить конские хвосты, которые у татар обычно используются вместо штандартов, желая, чтобы из-за этого неприятель принял их за татар, который, увидев наших, ударил на них, но видя, что бьются татарским обычаем, постоянно наступая, постоянно пуская стрелы и с тыла ему заходя, после одного залпа из пистолетов так тесним был нашими, что уже не имея времени их зарядить, начал уходить и был рассеян»¹⁷⁹. Самуил Твардовский добавляет следующие подробности: «...другие с боков на него нападали, даже <...> Алла кричали, притворяясь татарами»¹⁸⁰. Польский историк Л. Подхородецкий писал, что по ночам поляки, располагаясь недалеко от шведов, начинали кричать «Алла», имитируя прибытие татар¹⁸¹. По мнению С. Августевича действующие в Пруссии польско-литовские партизанские отряды также могли маскироваться под татар, что объясняло бы слухи о действиях татар даже в тех районах Пруссии, где их в реальности никогда не было¹⁸². Польские историки единодушно отмечают эффективность подобных действий.

Почему же шведы так опасались татар? «Татар (шведы и брандербуржцы) сильно боятся и их тактику ведения боя с тыла, с боков, и уже узнали от наших, что то за оружие лук, и как с него стрелять можно мощнее и дальше, чем с пистолета, убить может или мужа, или коня, и бояться весьма этого вида оружия, а более всего, чтобы они от татар не были в поле окружены и сначала нехваткой фуража и этим, а не оружием, побеждены» — писал польский современник событий Даниэль Жидкевич¹⁸³.

В июле 1656 г. давно обещанный татарский корпус наконец-то вошел в пределы Речи Посполитой и присоединился к польской армии. Воины Субхана Гази аги были весьма востребованы ввиду морального эффекта их присутствия. Согласно планам Яна Казимира ввиду неясности позиции курфюрста Фридриха Вильгельма к прусской границе планировалось послать Мариуша Станислава Яскульского, «придав ему для устрашения татар»¹⁸⁴. В битвах под Тшемешно и Простками, согласно данным польского историка Б. Барановского, появление

татар на поле боя вызвало страх и панику среди шведских и бранденбургских солдат¹⁸⁵.

Есть сведения о том, что молдавские воины также притворялись татарами. В январе 1674 г. молдавский отряд напал на польский подъезд поручика Папроцкого, «ночью вскричав татарским обычаем», что привело к деморализации и поражению поляков, уверенных, что на них «неготовых орда напала»¹⁸⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что высокие боевые качества крымского войска и его умение вести «подъездовую войну» являлись поводом к тому, чтобы соседи Крыма считали эффективным имитировать присутствие татар на поле боя для устрашения противника.

Управление воинами в армии Крымского ханства

Ряд тем военной организации крымских татар являются слабо изученными и по сей день. Одной из таких тем является система управления войсками в бою. Лишь немногие авторы, такие как российский историк Л.А. Бобров и польский историк М. Гавенда, уделяли этому внимание¹⁸⁷.

Крымские татары были известны своим умением быстро совершать на поле боя перестроения и маневры. Для управления воинами командованием использовались музыкальные инструменты, голосовые команды, знамена, бунчуки и значки, а также движения рук и плетей. Командиры частей — мурзы и аги — осуществляли непосредственное руководство войсками. Насколько слаженность и эффективность действий крымских и ногайских войск зависела от командного состава, показывают и источники. Сигизмунд Герберштейн считал, что после гибели или пленения командиров татары бежали с поля боя¹⁸⁸. Филипп Дюпон сравнил татар со стадом овец, а мурз — с пастухами, которые направляют стадо то в одну, то в другую сторону¹⁸⁹.

Для управления крымскими войсками использовались различные музыкальные инструменты: большие (кос) и малые (наккаре) барабаны, свирели, рога и т.д. Игра ханского оркестра — мехтера, комплектуемого из

крымских цыган и возглавляемого мехтер-баши, служила сигналом для действий всей армии. Существовали различные мелодии и композиции, используемые в зависимости от ситуации. Мелодия «гочь борусу» игралась при выступлении в поход. «Табл-и асаийш» представлял собой «ритм, не позволявший рассеяться войску»¹⁹⁰. Игра на бубнах использовалась для утреннего подъема¹⁹¹. По мнению польского историка Л. Кубали, главный барабан крымского войска во времена Ислама III Гирея назывался «Балтом», к нему прислушивалась вся армия¹⁹². Оглушительная музыка сопровождала начало атаки крымских татар. Крымские и османские источники красочно живописали игру на музыкальных инструментах, возвещавшую начало атаки. «Сначала ударили в барабаны на стороне ханского войска, и по законам чингизидов заиграли Афрасиабовы трубы, Искандеровы барабаны, Джемшидовы зурны, барабаны шаха Хушенка, литавры хакановы, цимбалы царя Дария; все воины припали к головам коней, и татарское войско двумя колоннами двинулось на поле доблести. И они стали под сень знамен», — писал Эвлия Челеби о наступлении крымских татар под Чудновым (1660)¹⁹³. Мехмед Сенаи сообщал о построении крымских войск перед битвой под Зборовым (1649): «...и центр, и фланги были украшены и расцвечены флагами, литавры и боевые барабаны подняли грохот и тарарам, и победоносное Чингизово знамя и гордый сахибкиранов бунчук взвился аж до [звезды] Капеллы»¹⁹⁴. На следующий день Зборовской битвы «быстроногие татары, подобно тому как волки набрасываются на овец, бросились на войска короля и начали их грабить — хотя боевые барабаны не давали сигнала к бою и флаги, извивающиеся как драконы, не были еще подняты»¹⁹⁵.

Под звуки игры мехтера крымцы строились и шли в бой. Однако и в самом бою мурзы и аги управляли воинами с помощью музыки. Участник польского похода в Молдавию в 1691 г. Казимир Сарнецкий писал про мурзу Арслана Орак-оглу, павшего в сражении под Перерытой и во время боя бившего в «тулумбасик», направляя этим действия подчиненных ему людей¹⁹⁶. Согласно де Люку, каждый десятник имел «малый барабанчик, который возят

на луке седла, а простой татарин — свирель, дабы собраться при надобности»¹⁹⁷. Польский автор дневника битвы под Берестечком писал, что «трубачей у татар нет: старшина в тулумбасы бьет, руководя ордой»¹⁹⁸. Из вышесказанного можно сделать вывод, что существовали определенные композиции при игре на наккаре, побуждавшие воинов к тем или иным действиям. Музыка также играла при отходе. «Вечером барабаны ударили отбой и два войска разошлись и провели ночь лицом к лицу», — так Мехмед Сенаи завершает описание первого дня битвы под Зборовом¹⁹⁹.

В Крымском ханстве, как и многих других тюркских государствах, бунчуки и знамена играли роль не только средств управления войсками в бою, но и символизировали власть хана, султанов и беев. Вручение знамени (санджака) ханом какому-либо военачальнику означало, что поход санкционируется крымской властью. Большие знамена имели лишь командующие крупными отрядами (что было продолжением монгольской традиции²⁰⁰). Пейссонель сообщал о структуре крымского войска следующее: «Каждый род организует один отряд или байрак, различающийся по цвету знамени, являющегося признаком дома. Самый старший дворянин в семействе командует байраком и остальные мурзы того же рода идут под его начальством. В очень обширных родах и обладающих многочисленными землями, каждая ветвь рода иногда образует байрак. В этих отрядах бывает только два офицера: дворянин, или управляющий, и байрактар или прапорщик, на место которого назначают, обыкновенно, самого сильного и крепкого из солдат»²⁰¹.

Ввиду этого количество знамен и бунчуков в крымском войске было небольшим. Ян Собеский писал об успехе одного из польских военачальников в боях с татарами в 1676 г.: «...знамя взял татарское и несколько значков, что является у них редкой вещью, ибо, как правило, на несколько тысяч имеют только одно или два знамени»²⁰². Автор «Виршованной хроники» сообщал о построении крымских татар следующее: «...под каждым знаком или значком несколько сот и несколько тысяч»²⁰³. Крымские войска во главе с ханским сыном, сконцентрированные у Белгорода (Ак-Кермана) весной 1606 г., имели

(по словам Яна Замойского, писавшего, что его слуга наблюдал своими глазами татарскую армию) 40 знамен²⁰⁴. Под Мартыновым (1624) в армии знаменитого буджацкого вождя Кантемира было лишь 4 знамени (одно из них было передано Кантемиру турецким султаном), из которых 3 было захвачено поляками, всего же мурз было 15²⁰⁵. Под Калушем (1672) поляки захватили 8 знамен: 3 султанских (то есть принадлежащих членам семьи Гиреев — султанам), 2 сейменских, 1 ширинское и 1 ногайское²⁰⁶. При этом вся масса татарской конницы под Калушем, по мнению Яна Собеского, составляла 8 тысяч²⁰⁷. В битве под Подгайцами (1698) польский очевидец наблюдал атаку 1 тысячи татар, двигавшихся под 2 белыми знаменами²⁰⁸.

О небольшом количестве бунчуков говорит то, что даже в случае крупных побед лишь единицы их попадали противнику в качестве трофеев. В 1626 г. под Белой Церковью поляки и казаки захватили 10 знамен и всего 1 бунчук²⁰⁹, под Калушем (1672) — 1 ногайский бунчук²¹⁰. Значительное количество захваченных бунчуков свидетельствовало об ожесточенности битвы. Так, 1 октября 1685 г. в битве под Бояном при отражении ряда сильных татарских атак на польские позиции полякам удалось захватить несколько бунчуков²¹¹.

М. Стрыйковский подробно описывал крымско-ногайское войско, вторгшееся в пределы Речи Посполитой в 1575 г. Он сообщал, что войском командовали 7 ханских сыновей. Соотношение между числом «мурзовых знамен» и людей составляло 10 тысяч на 8 знамен у «Лазы-Гирея», 10 тысяч на 10 знамен у «Алихверчея», 15 тысяч на 25 знамен у «Саткурчи»²¹². Численность татарских войск Стрыйковский зависил в разы (общая численность участников набега определялась им в 121 тысячу), но вместе с тем представляет интерес мнение этого автора о соотношении числа знамен и воинов.

Можно сделать вывод о том, что при крупных частях крымского войска (несколько сот, тысяча, две тысячи человек) было всего 1 знамя и 1 бунчук. Исключение составляли сеймены, имевшие 1 знамя на 50 человек. Командиры более мелких подразделений имели свои значки, внешне отличавшиеся от

знамен тем, что представляли собой небольшие полотнища. Воины в массе из десятков быстро скачущих всадников следили за местонахождением значка, двигаясь вслед за ним. «Без шеренг ордынец мчит, идет куда захочет, смотря больше на то. Куда повернет значок, туда и он направляется», — писал автор «Виршованной хроники»²¹³.

Из имеющихся источников известно, что поднятие бунчука вверх сигнализировало о начале атаки. После того как бунчуки поднимались вверх и стоявшие под ним воины шли в бой, решающая роль в управлении войсками переходила к значкам и голосовым командам. Об этом можно судить по эпизоду битвы под Зборовом (1649), связанному с атакой крымских татар на левое крыло польской армии. Крымцы подступили к противнику, засыпая его ливнем стрел. Адиль-мурза, один из ханских командиров, оторвался от своих воинов, поскакав к польским шеренгам, продолжая вести лучный бой, и был взят в плен. Что он был командиром, поляки узнали благодаря тому, что при нем обнаружили бунчук²¹⁴. Между тем подчиненные Адиль-мурзы организованно по-прежнему продолжали сражаться без него.

Управление воинами с помощью коротких и емких голосовых команд играло большую роль в крымскотатарском военном деле. Автор «Виршованной хроники» сообщал, как в 1666 г. вышедший из Меджибожа польский отряд напал ночью на загон Суин Гази-аги. Однако даже застигнутые врасплох, крымцы не растерялись. «Krzyczy, wrzeszczy: «Atlan, atlan, kajt, kajt, hała hała, hała»²¹⁵ («Кричат, верещат: «По коням, по коням, назад, назад, Аллах, Аллах, Аллах»), — так командиры сумели оперативно собрать своих воинов и организованно отступить за ближайшую возвышенность. Воспользовавшись тем, что поляки, почувствовав себя в безопасности, увлеклись грабежом коша, крымские татары вернулись и разбили противника. Тот же автор сообщал, как командующие быстро отводили своих воинов: «...когда в нужное время крикнет «Кайт, кайт!» (т.е. «возвращайся». — *А.Ш.*), то одновременно отступают»²¹⁶. По словам польского историка А. Чоловского, в 1695 г. в битве

под Львовом (1695) громкие татарские приказы «Кайтаву! Кайтаву!» доносились до самых городских стен²¹⁷.

Воины следили также за движениями самих командиров. «Скорость, с которой татарские подразделения строятся в ряды, впечатляет, ибо они не только подчиняются командам своих вождей и начальников, но также реагируют на каждое движение их рук, и даже самого вида кнута (что является их старым обычаем) достаточно для водворения порядка. Они до такой степени дисциплинированы, что в случае возникновения необходимости, сами чрезвычайно быстро строятся в ряды», — отмечал Мартин Броневский²¹⁸. Эвлия Челеби писал, что «татарские воины по заранее условленному знаку, поданному руками, сделали вид, что собираются стрелять из пушек и ружей»²¹⁹.

В качестве заключения отметим, что крымскотатарское войско обладало хорошо налаженной системой управления. Рядовые воины строились для боя под звуки мехтера, собираясь под знаменами и бунчуками своих командиров. После поднятия бунчуков они шли в атаку, ориентируясь в бою по поворотам значка, игре командиров на наккаре и голосовым командам. Стоит согласиться с Л.А. Бобровым, считавшим, что «одной из ключевых причин эффективности тактических действий крымско-татарских армий XVI–XVII веков была близкая к совершенной система руководства в бою»²²⁰. Способность быстро сменить направление атаки или уйти из-под удара противника в сочетании с высокой скоростью передвижения давало крымскотатарским военачальникам возможность успешно противостоять менее маневренному противнику.

Eques Tartarus

Крымский татарин, 2-я пол.-конец XVI в.

Рис. Красникова А.В., 2018 г.

Крымский "мушкетёр"-тюфенкчи, 2-я пол.-конец XVI в.

Рис. Красникова А.В., 2018 г.

-
- ¹ Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). — М., 1941. — С. 190.
- ² Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki, 1612-1651. — Warszawa, 1933. — S. 92.
- ³ Podhorodecki L. Hetman Stanisław Koniecpolski; ok. 1591-1646. — Warszawa, 1969. — S. 356.
- ⁴ Баранович А.И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки. — М., 1950. — С. 210-211.
- ⁵ Kuklo C. Demografia Rzeczypospolitej przedrozbiorowej. — Warszawa, 2009. — S. 211.
- ⁶ Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672-1676. — Zabrze, 2009. — Vol. II. — S. 311.
- ⁷ Wagner M. W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684-1696). — Siedlce, 2002. — S. 97.
- ⁸ Grabowski A. Ojczyście wspominki w pismach do dziejów dawniej Polski. — Kraków, 1845. — Vol. II. — S. 145.
- ⁹ Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. — СПб., 1891. — С. 79.
- ¹⁰ Куц О.Ю. Донское казачество в период взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667). — СПб., 2009. — С. 333.
- ¹¹ Pasek Jan Chryzostom. Pamiętniki. — Poznań, 1837. — S. 280.
- ¹² Дневник Станислава Освецима // Киевская старина. — 1882. — № 11. — С. 332.
- ¹³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. — М., 1951. — С. 48.
- ¹⁴ Wagner M. Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny. — Warszawa, 2000. — S. 121.
- ¹⁵ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571-1577 гг. — М., 2016. — С. 140.

---

¹⁶ Мацьков О. Роль і місце кримського чинника у Чуднівській кампанії 1660 року: постановка проблеми // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. — 2017. — Вип. 6. — С. 157, 158.

¹⁷ Документи російських архівів з історії України. Том 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613-1620 рр. — Львів, 1998. — С. 235.

¹⁸ Górka O. Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — 1935. — Vol. 8. — Zeszyt 2. — S. 290.

¹⁹ Majewski W. Najazd Tatarów w lutym 1695 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. — 1963. — Vol. 9. — Część 1. — S. 167-168.

²⁰ Мицик Ю. З джерел до історії Османської імперії та Кримського ханства XVI — першої половини XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. — Київ, 2010. — Вип. 9-10. — С. 341.

²¹ Скальковский А. История Новой сечи или последнего Коша Запорожского. — Одесса, 1841. — С. 394.

²² Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1872. — Т. 10. — С. 382-383.

²³ Бабулин И.Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. — М., 2009. — С. 36-37.

О численности русской армии под Чудновом см. Бабулин И.Б. Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года // Рейтар. — 2006. — № 28.

²⁴ Dupont F. Pamiętniki do historii życia i czynów Jana III Sobieskiego. Wstęp i opracowanie naukowe: dr. Dariusz Milewski tłumaczenie: dr Beata Spieralska. — Warszawa, 2011. — S. 334.

²⁵ Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. — СПб., 1891. — С. 79-80.

²⁶ Nagielski M. Warszawa 1656. — Warszawa, 1990. — S. 132-133, 160.

²⁷ Полное собрание русских летописей. — М., 1978. — Т. 34. — С. 192.

²⁸ Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. — Л., 1925. — С. 111.

-
- ²⁹ Nagielski M. Mit a rzeczywistość przebiegu kampanii zborowskiej 1649 r. // *Od Zborowa do NATO (1649-2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku*, red. M. Franz, K. Pietkiewicz. — Toruń, 2009. — S. 156-157.
- ³⁰ Документы об освободительной войне украинского народа 1648-1654 гг. — К., 1954. — С. 509.
- ³¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том III. 1651-1654 годы. — М., 1953. — С. 390.
- ³² Ciesielski T. *Od Batohu do Żwańca. Wojna na Ukrainie i w księstwach naddunajskich 1652-1653.* — Zabrze, 2007. — S. 277.
- ³³ Holsten Hieronim Chrystian. *Przygody wojenne 1655-1666.* — Warszawa, 1980. — S. 62.
- ³⁴ Масловский Д.Ф. *Записки к истории военного искусства в России.* — СПб., 1891. — Т. I. — С. 31.
- ³⁵ Барсуков А. *Род Шереметевых.* — СПб., 1892. — Кн. 6. — С. 67-68.
- ³⁶ Збірник козацьких літописів. Густинський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. — К., 2006. — С. 934.
- ³⁷ Wagner M. *Wojna polsko-turecka w latach 1672-1676.* — Zabrze, 2009. — Vol. II. — S. 263.
- ³⁸ Wagner M. *Kampania żwanienska 1684 roku.* — Warszawa, 2013. — S. 175-178.
- ³⁹ Крикун М. *Між війною і радіою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII - на початку XVIII століття. Статті і матеріяли.* — К., 2006. — С. 386.
- ⁴⁰ Wagner M. *Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny.* — Warszawa, 2000. — S. 133-134.
- ⁴¹ Majewski R. *Secora – rok 1620.* — Warszawa, 1970. — S. 180.
- ⁴² Domagała M. *Biała Cerkiew 23-25 IX 1651.* — Zabrze, 2007. — S. 62-63, 65.
- ⁴³ Грушевський М.С. *Історія України-Руси.* — К., 1991. — Т. IX. — Кн. 1. — С. 359-360.

---

⁴⁴ Diariusz kampanii w wołoskie jziemi 1686 r. Królewicza Jakóba Sobieskiego // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. — 1931. — Vol. 4. — Zeszyt 2. — S. 317-319, 321-322.

⁴⁵ Skorobogaty A. *Diariusz*. — Warszawa, 2000. — S. 140.

⁴⁶ Ciesielski T. *Od Batohu do Żwańca. Wojna na Ukrainie i w księstwach naddunajskich 1652-1653*. — Zabrze, 2007. — S. 239, 275.

⁴⁷ Зайцев И. В. *Астраханское ханство*. — М., 2006. — С. 96.

⁴⁸ Березин И.Н. *Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея*. — Казань, 1851. — С. 21.

Также стоит отметить интересное предположение, высказанное О.В. Комаровым в частной беседе с нами, согласно которому данный ярлык Саадета Гирея (данный им в самом начале своего правления) мог представлять собой подтверждение ярлыка предшествующих ханов и, следовательно, первые стрелки на ханской службе набирались еще ранее.

⁴⁹ Смирнов В.Д. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века*. — СПб., 1887. — С. 404.

⁵⁰ *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI-XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов; под общ. ред. Д.И. Ибрагимова*. — Казань, 2008. — С. 79.

⁵¹ Эвлия Челеби. *Книга путешествия. Крым и сопредельные области*. — Симферополь, 2008. — С. 101.

⁵² Inalcik H. *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray* // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1979-80. — Vol. 3-4. — P. 459-460.

⁵³ Абдужемилев Р. *Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов // Крымское историческое обозрение*. — 2016. — № 1. — С. 219.

⁵⁴ *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI-XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И. А. Мустакимов; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова*. — Казань, 2008. — С. 124.

-
- ⁵⁵ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. — Екатеринбург, 2001. — С. 245.
- ⁵⁶ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571-1577 гг. — М., 2016. — С. 62.
- ⁵⁷ Kraszewski, J.I. Podróże i poselstwa polskie do Turcji a mianowicie: Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Tarnowskiego komornika j. k. m. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568. — Kraków, 1860. — S. 55.
- ⁵⁸ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — СПб., 1887. — С. 465.
- ⁵⁹ Pulaski K. Trzy poselstwa Lawryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich (1601-1603) // Przewodnik Naukowy i Literacki. — 1911. — Zeszyt 3. — S. 254.
- ⁶⁰ Курникова О.М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Оксана Михайловна Курникова. М., 2009. Прил. 3.
- ⁶¹ Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1895. — Т. 22. — С. 114.
- ⁶² Слово «секбан» («псарь») было позаимствовано турками из персидского. Сами же турки и крымские татары произносили это слово как «сегмен», «сеймен». Поэтому в источниках, написанных на турецком языке, сохранялся персизм «секбан», но русские и поляки слышали это слово от самих крымцев и турок и записывали его как «сеймен» (Senai Hadży Mehmed z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III / tekst turecki wydał, przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz. — Warszawa, 1971. — S. 175).
- ⁶³ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, репортажи и донесения. — СПб., 1885. — Т. I. — С. 711.
- ⁶⁴ Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р. 1704 про відрядження до Криму // Студії з Криму. I-IX. — К., 1930. — С. 205.

-
- ⁶⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1892. — Т. 15. — С. 100.
- ⁶⁶ Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. — Владимир, 1906. — Т. I. — С. 908.
- ⁶⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1892. — Т. 15. — С. 97.
- ⁶⁸ Рустемов О. Кадискерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. — Симферополь, 2017. — С. 112.
- ⁶⁹ Сейит-Яхья Н. Военные действия в Крыму в 1735-1736 годах // Qasevet. — 2010. — № 37. — С. 79.
- ⁷⁰ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). — М., 1961. — Вып. 1. — С. 223.
- ⁷¹ Teodorczyk J. Pogrom Kantymira, 1624. — Warszawa, 1972. — S. 7.
- ⁷² См. например: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1892. — Т. 15. — С. 97-100.
- ⁷³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 223.
- ⁷⁴ Там же. — С. 160.
- ⁷⁵ Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. — К., 2007. — С. 338.
- ⁷⁶ Długosz J. Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. — Kraków, 1870. — Vol. 5. — Ks. 12. — S. 256.
- ⁷⁷ Ващук Д. До питання про напад турецько-татарських військ біля м. Дубно на рубежі XV-XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. — 2016. — Вип. 16. — С. 133.
- ⁷⁸ Broniewski M. Tartariae Descriptio. OpisTatarii, przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Mączyńska. — Łódź, 2011. — S. 83.
- ⁷⁹ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов.). — М., 1991. — С. 92-93.

-
- ⁸⁰ Jasnowski J. Dwie relacje z wyprawy Zamoyskiego pod Cecorę w r. 1595 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. — 1938. — Vol. 10. — Numer 2. — S. 249.
- ⁸¹ Gawron P. Bitwa pod Ochmatowem 30 stycznia 1644 r. // *Od Grunwaldu do Bzury – bitwy i boje polskie na przestrzeni dziejów*, red. J. Jędrusiak, D. Koreś, J. Maroń, K. Widziński. — Wrocław, 2012. — S. 73.
- ⁸² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том III. 1651-1654 годы. — М., 1953. — С. 133.
- ⁸³ Grabowski A. Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawnéj Polski. — Kraków, 1845. — Vol. I. — S. 144.
- ⁸⁴ Jerlicz J. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. — Warszawa, 1858. — T. 2. — S. 31.
- ⁸⁵ Fredro A.M. Dyskurs do uważenia podany Anno Domini 1667, iż tylko po śmierci króla ma być obierany regnaturus i insze potrzebe materyje z tej okazyjej przytoczone // *Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648-1668*. — Wrocław; Warszawa, 1991. — Vol. III. — S. 233.
- ⁸⁶ Барсуков А. Род Шереметевых. — СПб., 1888. — Кн. 5. — С. 312.
- ⁸⁷ Sękowski J.J. Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących. — Warszawa, 1825. — Vol. II. — S. 146.
- ⁸⁸ Żurkowski S. Żywot Tomasza Zamojskiego. — Lwów, 1860. — S. 16.
- ⁸⁹ Дневник Станислава Освенцима // *Киевская старина*. — 1882. — № 1. — С. 147.
- ⁹⁰ Wolinski J. Bitwa pod Lwowem 1675 r. // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. — 1931. — Vol. 5. — Zeszyt 2. — S. 208, 213.
- ⁹¹ Антонович В. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. — Киев, 1888. — С. 257.
- ⁹² Вирський Д.С. Битва під Білою Церквою 1626 р. та «Реляція правдива...» Яна Доброцького // *Український історичний журнал*. — 2010. — № 6. — С. 159.

-
- ⁹³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 102.
- ⁹⁴ Там же. — С. 20-21.
- ⁹⁵ Pamiętniki o Wyprawie Chocimskiej Roku 1621 Jana Hrabi z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakuba Sobieskiego zebrał Żegota Pauli. — Krakow, 1853. — S. 55.
- ⁹⁶ Bielowski A. Pisma Stanisława Żołąkiewskiego. — Lwów, 1861. — S. 274.
- ⁹⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1882. — Т. 12. — С. 46.
- ⁹⁸ Документы об освободительной войне украинского народа 1648-1654 гг. — К., 1954. — С. 536.
- ⁹⁹ Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // Rocznik Przemyski — 2009. — Vol. 45. — Zeszyt 1: Historia wojskowości. — S. 143.
- ¹⁰⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 256.
- ¹⁰¹ Благодарю О.В. Комарова за данное уточнение.
- ¹⁰² Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego. — Sanok, 1856. — Т. 2. — S. 965.
- ¹⁰³ Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины. — М., 2004. — С. 233.
- ¹⁰⁴ Юрченко П. Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1879. — Т. 11. — С. 480.
- ¹⁰⁵ Sękowski J.J. Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących. — Warszawa, 1825. — Vol. II. — S. 144.
- ¹⁰⁶ Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М., 1964. — Т. 1. — С. 143.
- ¹⁰⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 39.

-
- ¹⁰⁸ Там же. — С. 100-101.
- ¹⁰⁹ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани 1223-1556. — Казань, 2001. — С. 408.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 405.
- ¹¹¹ Marsiglie L.F. L'Etat Militaire de l'Empire Ottomanses progrès et sa décadence. Tome I. — Amsterdam; La Haye, 1732. — P. 101.
- ¹¹² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л., 1948. — С. 315.
- ¹¹³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 43-44.
- ¹¹⁴ Domogała M. Relacja z kampanii białocerkiewskiej 1626 r. przeciwko Tatarom autorstwa Jana Dobrocieskiego // Staropolska sztuka wojenna XVI-XVII wieku. — Warszawa, 2002. — S. 242, 247.
- ¹¹⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 354.
- ¹¹⁶ Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). — К., 2016. — С. 72.
- ¹¹⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 162-163.
- ¹¹⁸ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ им. Ломоносова. — 1940. — Вып 61. — С. 65, прим. 143.
- ¹¹⁹ Лызлов А. Скифская история. — М., 1990. — С. 124.
- ¹²⁰ Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. — К., 2015. — Т. 4. — С. 278.
- ¹²¹ Michałowski J. Księga pamiętnicza. — Kraków, 1864. — S. 22.
- ¹²² Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648-1651). — Warszawa, 1998. — S. 192.

-
- ¹²³ Дневник Станислава Освецима // Киевская старина. — 1882. — № 9. — С. 521.
- ¹²⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1884. — Т. 13. — С. 301.
- ¹²⁵ Wojtasik J. Podhajce 1698. — Warszawa, 1990. — S. 123.
- ¹²⁶ Гордон Патрик. Дневник 1684-1689. — М., 2009. — С. 37.
- ¹²⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 227.
- ¹²⁸ Вирський Д. Річпосполитська історіографія України (XVI – середина XVII ст.). — К., 2008. — У 2-х ч. Ч.1. — С. 307.
- ¹²⁹ Żurkowski S. Żywot Tomasza Zamojskiego. — Lwów, 1860. — S. 39.
- ¹³⁰ Дневник Станислава Освецима // Киевская старина. — 1882. — № 1. — С. 146.
- ¹³¹ Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Tom 2. Krakow. — 1912. — S. 404.
- ¹³² Czołowski A. Najazd tatarów na Lwów w 1695 r. — Lwów, 1902. — S. 44.
- ¹³³ Документы об освободительной войне украинского народа 1648-1654 гг. — К., 1954. — С. 545.
- ¹³⁴ Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. — К., 2013. — Т. 2. — С. 472.
- ¹³⁵ Крисаченко В. Історія Криму. Кримське ханство. — Київ, 2000. — С. 190
- ¹³⁶ Там же. — С. 192.
- ¹³⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — СПб., 1851-1879. — Т. 4. — С. 1317.
- ¹³⁸ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 202.
- ¹³⁹ Там же. — С. 69.
- ¹⁴⁰ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. — М., 1994. — С. 32.

-
- ¹⁴¹ Гордон Патрик. Дневник 1690-1695. — М., 2014. — С. 409.
- ¹⁴² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1848. — Т. 2. — С. 186.
- ¹⁴³ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769-1774 год. — СПб, 1866. — Т. I. — С. 130.
- Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). — М., 2010. — С. 264.
- ¹⁴⁴ Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. — К., 2009. — С. 251.
- ¹⁴⁵ Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648-1651). — Warszawa, 1998. — S. 207.
- Przyłeczki S. Pamiętniki Konięcpolskich: przyczynek do dziejów polskich XVII wieku. — Lwów, 1842. — S. 256.
- ¹⁴⁶ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769-1774 год. — СПб., 1866. — Т. 2. — С. 113.
- ¹⁴⁷ Іналджик Г. Знахідка кадійських сіджилів (судових книг) Кримського ханату // Марра Мунді. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. — Львів-Київ-Нью-Йорк, 1995. — С. 324.
- ¹⁴⁸ Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. — Симферополь, 2017. — С. 13.
- ¹⁴⁹ Пейссонель Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. — Днепропетровск, 2009. — С. 22.
- ¹⁵⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 354.
- ¹⁵¹ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани 1223-1556. — Казань, 2001. — С. 402.

-
- ¹⁵² Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. — К., 2009. — С. 249.
- ¹⁵³ Там же. — С. 181.
- ¹⁵⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — СПб., 1887. — С. 633.
- ¹⁵⁵ Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587-1588 годах // Известия Таврической учетной архивной комиссии. — Симферополь, 1891. — Т. 14. — С. 68.
- ¹⁵⁶ Пейссонель Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. — Днепропетровск, 2009. — С. 34.
- ¹⁵⁷ Архив Юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов. — К., 1914. — Ч. 3. — Т. IV. — С. 787.
- ¹⁵⁸ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. — М., 1994. — С. 69.
- ¹⁵⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1884. — Т. 13. — С. 455.
- ¹⁶⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — СПб., 1887. — С. 633-634.
- ¹⁶¹ Костомаров Н.И. Руина, Мазепа, Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. — М., 1995. — С. 471.
- ¹⁶² Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. — М., 1994. — С. 105.
- ¹⁶³ Костомаров Н.И. Руина, Мазепа, Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. — М., 1995. — С. 482.
- ¹⁶⁴ Скальковский А. История Новой сечи или последнего Коша Запорожского. — С. 394.
- ¹⁶⁵ К истории пограничных наших сношений с Крымским ханством. Дневник секунд-майора Матвея Миронова, в путевку его к крымскому хану, 1755 года // Киевская старина. — 1885. — № 2. — С. 351.

-
- ¹⁶⁶ Грушевський М.С. Історія України-Руси. — К., 1991. — Т. IX. — Кн. 1. — С. 288.
- ¹⁶⁷ Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи. От Калки до Астрахани 1223-1556. — Казань, 2001. — С. 412.
- ¹⁶⁸ Грушевський М.С. Історія України-Руси. — К., 1991. — Т. IX. — Кн. 1. — С. 1040.
- ¹⁶⁹ Kochowski W. *Historia panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego.* — Poznań, 1859. — Vol. 1. — S. 202.
- ¹⁷⁰ Michałowski J. *Księga pamiętnicza.* — Kraków, 1864. — S. 210.
- ¹⁷¹ Збірник козацьких літописів. Густинський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. — К., 2006. — С. 250.
- ¹⁷² Jerlicz J. *Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza.* — Warszawa, 1853. — Т. 1. — S. 70.
- ¹⁷³ Качмарчик Я. Гетьман Богдан Хмельницький; пер. з пол. І. Сварник. — Перемишль; Львів, 1996. — С. 83.
- ¹⁷⁴ Twardowski S. *Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego.* — Wrocław, 1840. — S. 23.
- ¹⁷⁵ Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. — К., 2012. — Т. 1. — С. 558.
- ¹⁷⁶ Komuda J. *Wyprawa łojowska Janusza Radziwiłła w 1649 r. // Staropolska sztuka wojenna XVI-XVII wieku.* — Warszawa, 2002. — S. 134.
- ¹⁷⁷ Грушевський М.С. Історія України-Руси. — К., 1991. — Т. IX. — Кн. 1. — С. 495.
- ¹⁷⁸ Baranowski B. *Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655-1660 // Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655-1660.* — Warszawa, 1957. — Т. I. — S. 472-473.
- ¹⁷⁹ Augustiewicz S. *Prostki 1656.* — Warszawa, 2001. — S. 61.
- ¹⁸⁰ Borcz A. *Przemysł 1656-1657.* — Warszawa, 2006. — S. 110.

-
- ¹⁸¹ Podhorodecki L. Chanał krymski i jego stosunki z Polską w XV-XVIII wieku. — Warszawa: Książka i Wiedza, 1987. — S. 195.
- ¹⁸² Augusiewicz S. Najazdy tatarskie na Prusy Książęce (1656-1657): legendy i fakty // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — 1995. — Nr 3. — S. 244-245.
- ¹⁸³ Augusiewicz S. Prostki 1656. — S. 61.
- ¹⁸⁴ Skworoda P. Kampania wielkopolska 1656 roku regimentarza koronnego Stefana Czarnieckiego i marszałka wielkiego koronnego Jerzego Sebastiana Lubomirskiego // Studia i Materiały do historii wojskowości. — 2004. — T. 41. — S. 100.
- ¹⁸⁵ Baranowski B. Op. cit. — S. 480.
- ¹⁸⁶ Kluczycki F.K. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. — Kraków, 1881. — Vol. 1. — Cz. 2. — S. 1406.
- ¹⁸⁷ Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 332-339 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016).
- Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // Rocznik Przemyski — 2009. — Vol. 45. — Zeszyt 1: Historia wojskowości. — S. 136-137.
- ¹⁸⁸ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 168.
- ¹⁸⁹ Dupont F. Pamiętniki do historii życia i czynów Jana III Sobieskiego. Wstęp i opracowanie naukowe: dr. Dariusz Milewski tłumaczenie: dr Beata Spieralska. — Warszawa, 2011. — S. 330.
- ¹⁹⁰ Абдуджемиль Р. Воинская символика Крымского ханства (на материале крымских хроник) // Qasevet. — 2015. — № 43. — S. 13-15.
- ¹⁹¹ Эвлия Челеби. Неудачная осада Азова Турками в 1641 году, и занятие ими крепости по оставлении оной Козаками // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1872. — Т. 8 — С. 167.
- ¹⁹² Kubala L. Szkice historyczne, serya pierwsza. — Lwów, 1880. — S. 283.

-
- ¹⁹³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 230.
- ¹⁹⁴ Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. — Симферополь, 1998. — С. 55.
- ¹⁹⁵ Там же. — С. 57.
- ¹⁹⁶ Sarnecki K. Pamiętniki z czasów Jana Sobieskiego. Diariusz i relacje z lat 1691-1696. — Wrocław, 1958. — S. 6-7.
- ¹⁹⁷ Юрченко П. Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1879. — Т. 11. — С. 480-481.
- ¹⁹⁸ Polska historia wojskowa w wypisach źródełowych, red. O. Laskowski, B. Pawłowski. — Warszawa, 1928. — S. 121.
- ¹⁹⁹ Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. — Симферополь, 1998. — С. 56.
- ²⁰⁰ Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени: сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. — Астана, 2013. — С. 27-28.
- ²⁰¹ Пейссонель Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. — Днепропетровск, 2009. — С. 33.
- ²⁰² Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // Rocznik Przemyski — 2009. — Vol. 45. — Zeszyt 1: Historia wojskowości. — S. 137.
- ²⁰³ Мицик Ю. Чуднівська та Слободищенська битви 1660 р. на сторінках «Віршованої хроніки» // Архіви України. — 2005. — № 4. — С. 88.
- ²⁰⁴ Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich w latach 1605-1647 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. — 1962. — Т. 8. — S. 9.
- ²⁰⁵ Przyłeckie S. Pamiętniki Koniecpolskich: przyczynek do dziejów polskich XVII wieku. — Lwów, 1842. — S. 257.

-
- ²⁰⁶ Kluczycki F.K. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. — Kraków, 1881. — Vol. 1. — Cz. 2. — S. 1096.
- ²⁰⁷ Broel-Plater W.S. Zbiór pamiątek do dziejów polskich. — Warszawa, 1858. — T. 4. — S. 172.
- ²⁰⁸ Wojtasik J. Podhajce 1698. — Warszawa, 1990. — S. 166.
- ²⁰⁹ Антонович В. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. — Киев, 1888. — С. 258.
- ²¹⁰ Grabowski A. Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawniej Polski. — Kraków, 1845. — Vol. I. — S. 196.
- ²¹¹ Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // Rocznik Przemyski — 2009. — Vol. 45. — Zeszyt 1: Historia wojskowości. — S. 135.
- ²¹² Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. — Львів, 2011. — С. 944.
- ²¹³ Мицик Ю. Чуднівська та Слободищенська битви 1660 р. на сторінках «Віршованої хроніки» // Архіви України. — 2005. — № 4. — С. 88.
- ²¹⁴ Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648-1651). — Warszawa, 1998. — S. 192.
- ²¹⁵ Мицик Ю. Браїлівська битва (1666 р.) в описі "Віршованої хроніки" // Наук. зап. НаУКМА. Серія Історичні науки. — 2008. — Т. 78. — С. 73.
- ²¹⁶ Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648-1658 рр. — К., 2015. — Т. 4. — С. 279.
- ²¹⁷ Czołowski A. Najazd tatarów na Lwów w 1695 r. — Lwów, 1902. — S. 43.
- ²¹⁸ Broniewski M. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii, przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Maćczyńska. — Łódź, 2011. — S. 84.
- ²¹⁹ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. — Симферополь, 2008. — С. 231.

---

²²⁰ Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 332 <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (28.03.2016).